Освободитель

Автор:
Александр Прозоров

Освободитель

Александр Дмитриевич Прозоров

Ватага #6

Егор Вожников, уже ставший великим князем и императором, захотел инкогнито взглянуть на жизнь соседней Франции. Но таков уж характер пришельца из будущего, что всего за месяц он оказался и пособником знаменитой рыжей ведьмы, и ненавистным Церкви богохульником, да еще и смертный приговор заслужил, открыв тайну алхимического золота. Противостояние князя и двух королевств вылилось в стремительную войну, в которой на стороне Егора оказалось всего лишь пять сотен преданных бояр и одна ведьма…

Александр Прозоров

Освободитель

Географ

Реальная жизнь никогда не похожа на книжную. В книжной истории Русь была крещена в девятом веке, в реальной – еще много веков православные приносили идолам требы и венчались с волхвом и священником вокруг ракитового куста[1 - Вселенский собор 1667 года этот обычай осудил и по-требовал от священников от оного воздерживаться. (Здесь и далее – примечания автора.)]. По книжной мудрости, ни один христианин не должен верить ни в ведьм, ни в колдовство –

однако по первому поводу они готовы сжечь пойманного чародея. И даже священники часто не отказываются от участия в богомерзком шабаше. Книжный обычай требует, чтобы жена «да убоялась мужа своего» – в реальности же иные жены мужей по струнке выстраивают только так. Книжные образы представляют женщин существами слабыми и беззащитными, требующими заботы и покровительства – реальные женщины дерутся на поединках, командуют армиями и целыми государствами. Книжный мусульманин воздерживается от алкоголя – реальные нередко вспоминают, что о водке и пиве в Коране ничего не сказано. И уж, конечно, запрет изображать живые существа никогда не останавливал исламских владык в желании получить свой красочный портрет…

– Так ты, значит, с ней все-таки спал?! – Ладонь жены стремительным броском кобры вцепилась сзади в его шею, крепко сжались пальцы. – А мне сказывал, не было ничего!

– Милая, с кем спал, почему?! – не понял Егор, Великий князь русский, Заозерский, Литовский и Новгородский, император Священной Римской империи, король Польский, Молдавский и Константинопольский, и так далее, и так далее, и так далее… Что вовсе не избавляло его от поучительного тона любимой супружницы и ее воистину гаремной ревности. Внимание своего мужа бывшая невольница не собиралась делить никогда и ни с кем!

– А с чего бы еще она вдруг портрет тебе свой присылала, Егорушка? – с ласковой злостью куснула его за ухо княгиня Елена. – Обличье свое желает в твоей памяти освежить, глазками пленить, стан свой напомнить. Эва, вон, как титьки через ткань просвечивают! Так и кричат, что по пальчикам твоим бесстыжим заскучали!

– Да? – удивился Егор и посмотрел на портрет уже совсем другими глазами.

Вальяжно развалившаяся на тахте среди подушек юная женщина была одета лишь для вида – в легкие и невесомые, как утренний туман, шелковые шаровары, блузу и платок. По телу были небрежно раскиданы золотые украшения с самоцветами: тонкие браслеты с рубинами и сапфирами, цветастые эмалевые змейки на щиколотках, жемчужные бусы в несколько ниток, золотой с яхонтами обод на голове, украшенный множеством подвесок, каждая – со своим ограненным сверкающим камешком. Ткань и украшения не скрывали, а подчеркивали белизну ханской кожи, мягкость изгибов ее тела, черную глубину

зрачков, влажный блеск манящих губ.

И великий князь впервые понял, как давно не видел своей преданной союзницы, не слышал ее голоса и не ощущал пряно-полынного запаха ее плеч.

– Мы повесим ее в моих покоях возле опочивальни, – деловито решила княгиня, явно поняв, что сболтнула что-то не то, потянула картину из рук мужа, отставила к стене, лицом в темноту. – Дай, я тебе лучше прочитаю, что она пишет… – Елена промотала в руках длинный список. – Все дела, дела… Покой у них, и бояре твои земли приволжские успешно запахивают и службу честно несут. Предприятия доход дают постоянный и верный, мытари на реке тоже зла-то в казну что ни день досыпают, сосед же южный хан Улугбек ведет себя мирно и… – Княгиня запнулась. – Медресе?

– Давай я посмотрю? – потянулся за грамотой Егор.

Вожников уже неплохо разбирался в здешнем написании, чтобы читать самостоятельно. Что, однако, не уменьшало его решимости свести вычурную художественную славянскую каллиграфию к простому и общедоступному печатному слову.

– От хана Улугбека с поклоном прибыл многочтец великий ходжи Хафизи Абру… Для описания земель русских и диких… И познания прочих знаний неведомых… Для нового Дома Мудрости… Баскак, что ли?! – Правительница половины Европы в ярости сверкнула глазами: – На кол его завтра же! Отродясь такого не бывало, чтобы неверные люд христианский чли и земли русские описывали![2 - Единственную попытку прислать баскаков на Русь предпринял хан Сартак после смерти своего отца, хана Батыя. Всех их, кроме согласившихся принять православие, в 1260 году казнили по приказу Александра Невского, после чего князь поехал в Орду – и вместо Сартака к власти при-шел хан Берке. Князь учредил в Орде Сарайскую епархию и вернулся домой. Больше баскаки на Руси не появлялись.]

– Ну-ка, дай посмотрю… – не поверил своим ушам Егор и отобрал-таки свиток у раскрасневшейся от злости супруги. Однако грамота оказалась написана столь изящными буквами: сплетенными, украшенными завитушками и вдобавок с разноцветными вставками, что он сразу сдался и скрутил послание обратно, даже не пытаясь расшифровать, поднял глаза на Елену: – Может, сперва хоть

посмотрим на этого чудика, любимая моя? Ну, прежде чем на кол? Вдруг мы чего-то напутали? Не верится мне в такую наглость нашего соседа, коли уж он ведет себя мирно. Кто же баскаков с поклоном присылает? К тому же имя Улугбека я где-то слышал… – Великий князь постучал себя свитком по лбу. – Ей-богу, слышал. Точно слышал! Чем-то он изрядно знаменит…

– Это внук великого Тамерлана, воспитателя и победителя Тохтамыша, – тут же напомнила княгиня, хорошо знавшая семейные связи чуть ли не всех знатных родов планеты. – Когда после смерти Тамерлана в тамошних землях началась смута, его младший сын Шахрух смог победить братьев, поделил земли, а Самарканд с окрестностями несколько лет назад подарил юному сыну Улугбеку. Мыслю, ныне ему нет еще и двадцати. Молодые правители глупы и заносчивы, жаждут славы и завоеваний. Вестимо, желая сравниться с великим дедом, он и прислал баскака. Воевать с отцом вьюноша не может, ему изменит собственная армия. Иных же соседей, кроме нас и нашей окраинной Сарайской Орды, у него нет.

– Нет, тут что-то другое, – покачал головой Егор. – Очередного вояку я бы вспомнил… Подожди, а откуда у нас это письмо и портрет?

– На имперском приеме в Больших Посольских палатах, – приосанилась княгиня Елена, – к ногам нашим послы окраин многих принесли дары и послания разные. Рази все сразу и упомнишь? Миланку испросить надобно, она просителей всех записывает. Откель пришел, чего просит, где обитает? Нам же сим заниматься недосуг!

Бывшая невольница, пусть и княжна по крови, при мысли о своем нынешнем императорском звании невольно вся распрямилась, развернула плечи, вскинула подбородок, грозно сверкнула глазами – что со стороны румяной розовощекой молодухи, простоволосой, без украшений, сидящей возле жарко натопленной печи в одной исподней рубахе, смотрелось до крайности забавно.

– Ты чего? – удивилась его улыбке жена.

– Леночка моя… Ну, до чего же ты на диво хороша! – Егор поднялся, кинул свиток на стол, шагнул к жене.

– Нет, нет! – забеспокоилась княгиня. – Не сейчас! Мне надобно послания до ночи разобрать. Грамоты прочитать, ябеды счесть, о событиях важных проведать. Коли не самой сие творить, так и власть быстро в чужие руки убежит, к советникам разным, да дьякам с писарями.

– Всего, любимая, не перечесть… – попытался взять женщину за руки князь, но Елена вскочила:

– Так ведь и пост сегодня!

Встать было ошибкой – Егор тут же подхватил рубаху за края, вскинул руки вверх, одним движением оставляя жену полностью обнаженной. Здесь, в личных покоях, он мог не опасаться, что кто-то внезапно ворвется с докладом, принесет угощение или еще как-то захочет услужить. Великий князь желал хоть где-то оставаться обычным человеком, и пока он находился здесь – этот край великокняжеского новгородского дворца был запретным местом для всех, кроме них двоих.

– Егорушка, грех… – смиренно напомнила Елена, не пытаясь, однако, прикрыться.

– Полночь уже прошла, моя княгиня, – сказал он, целуя ее плечи, шею, медленно подбираясь губами выше, к ямочке на подбородке. – Моя великая княгиня, моя королева, моя императрица…

От таких блаженных слов женщина слабо застонала – наверное, ко всему этому сонму титулов она не сможет привыкнуть никогда. Детские несбыточные, невероятные мечтания, которые внезапно стали явью. Странное, блаженное состояние, когда не хочется просыпаться… Но при всем том ты знаешь, что находишься не во сне. Не веришь – но надеешься. И в то же время – знаешь.

А губы мужа – ее повелителя и спасителя, ее послушного слуги и господина, подобранного из праха, но вознесшего ее на вершину мира, исполнителя мечтаний и непобедимого воина, хладнокровного и преданного, сурового и нежного – целовали веки, брови, щеки, его ладони скользили по груди, по бедрам, привлекали все крепче к телу. Королева, княгиня, императрица… Ради одного этого любая отдала бы себя целиком и полностью, до капли, без единого колебания. Ради этого одного… Но ведь Елена его еще и любила! Страстно и

жадно – еще с тех времен, когда он был просто рабом, и в нем не было ничего, кроме сильных рук и горящего взгляда.

Ее раб и император!

И что в сравнении с этим шелест сминаемых спиной свитков, спархивающие со стола листы и кувыркающаяся в угол чернильница! Бывает миг, когда поцелуй стоит дороже вселенной, а желания становятся важнее любой заповеди и сильнее любого запрета.

Ее князь… Ее король… Ее император…

Волна сладострастия прокатилась по телу снизу вверх, заставив выгнуться и застонать снова, стекла по сторонам через пальцы и с кончиков волос, забирая остатки сил, и великая княгиня, повелевающая половиной мира, замерла, лежа на полу среди важнейших дипломатических документов. Егор склонился над женой, крепко поцеловал ее в губы:

– Любимая моя…

– Неужели до опочивальни было не подождать? – лениво попрекнула Егора княгиня.

– Ждать целую вечность, когда ты рядом? – удивился молодой человек. – Неужели я похож на безумца?

– Наши внуки будут читать эти архивы, – она взмахнула руками над полом, раскидывая свитки, – и не поймут, отчего все документы выглядят столь безобразно?

– Ерунда, – отмахнулся Егор. – Придумают какую-нибудь чушь про разорение их шведами или татарами. Наши имена к тому времени будут отлиты в бронзе, вознесены на пьедестал, окружены нимбами, а потому никто ничего подобного и помыслить не посмеет! А скорее всего архивов будет так много, что никто в них больше уже и не сунется, хоть ты тюфяки этими свитками набивай. Каждый день не меньше пуда привозят. Как у тебя терпения хватает все просматривать?

– Надо, милый, надо, – приподнялась на локте правительница. – Коли не хочешь, чтобы обманули, должен во все вникать сам.

– Нужно не самому вникать, а систему так выстроить, чтобы сама без сбоев работала, – Егор подсел ближе и снова стал размеренно целовать ее плечо холодными влажными губами, но теперь уже сверху вниз, направляясь к ладони. – Невозможно знать все и обо всем.

– Но хотя бы самое важное! – пригладила его голову княгиня.

– Важное? – хмыкнул Егор. – На кол баскака не сажай, пока я с ним не поговорю. Хочу узнать, что за фрукт. Остальное суета, дело житейское. Пошли лучше в опочивальню, я жутко по тебе соскучился!

– Уже?! – засмеялась княгиня. Однако перечить не посмела, взяла мужа за руку и прямо по рассыпанным документам повела за собой.

***

День всевластного правителя империи в ничем не ограниченной монархии был, разумеется, зажат в рамках строгого, как у обитателя тюрьмы усиленного режима, расписания. Спи, сколько хочешь – но к заутрене изволь подняться, выйти в церковь, отстоять службу. Хочешь не хочешь – а надо. Ибо иначе слухи средь народа поползут о нездоровье великого князя, о бедах каких, что внимание повелителя даже от Бога отвлекли, али того хуже – что в вере своей он пошатнулся.

После заутрени – завтрак с самыми знатными князьями и боярами, а также людьми, особо приближенными в качестве награды за их ратные али хозяйственные достижения. Без этого ежедневного ритуала тоже никак не обойтись, ибо все эти гости были главной опорой власти новоявленного императора. За каждым из них стояли десятки городов, тысячи ратников, сотни тысяч простых ремесленников и пахарей. Именно они, князья и воеводы, правили его именем в своих уделах и ходили в походы под его стягами. И если они вдруг будут недовольны, снюхаются, взбунтуются – Егор, может, и справится, но намучается выше головы.

Завтраки у императора, великого князя, курфюрста, князя десятка княжеств и короля десятка королевств, носителя длинного списка титулов давали всей этой знати ощущение влияния, сопричастности к управлению державой, личного уважения правителя. И хотя по большей части за завтраками шла речь об охоте, красоте восточных невольниц и ценах на хлеб или лошадей, а вовсе не о будущих войнах или экономических реформах, главным была сама возможность поговорить с правителем всего и вся запросто, так же непринужденно, как с любым из своих друзей. Поэтому борьба за право попасть в «ближний круг» среди дворян шла нешуточная. Они интриговали, подсиживали друг друга, хитрили, обманывали, искали славы… И Егора такое положение вполне устраивало. Пусть лучше борются за право попасть к великому князю на завтрак, нежели за свержение этого самого князя.

Не менее важными были и обеды. Ежедневные полуденные пиры закатывали уже не для двух десятков, а для нескольких сотен гостей, сюда попадала не только знать, но и простые сотники, таможенники, подьячие – разумеется, по особому приглашению. Здесь великий князь Георгий прилюдно хвалил честных и храбрых слуг своих, награждал кошельками или поместьями, дарил оружие или одежду. Своими руками, по своей воле, выслушивая клятвы и заверения в верности. Личная преданность – основа основ феодального общества.

Второй опорой власти правителя новорожденной империи стали финансовые потоки. Если вассальная зависимость была для этого мира привычной и обыденной, то о власти денег никто пока особо не задумывался – чем Егор и пользовался, как мог, увязывая на себя все ручейки серебра и злата, душа руками церкви ростовщичество, но дозволяя «княжеское участие» в перспективных начинаниях, вводя новую, единую монету, «золотой червонец» – которую, однако, одновременно пытался вытеснить «гарантийными записками». Чтобы человек, сдав золото в отделение великокняжеской казны на одном краю империи, мог получить эту сумму обратно в любом другом городе или порту любого уголка страны. Купцам услуга нравилась – возить золото бочонками и рискованно, и неудобно. То ли дело «записку» глубоко за пазуху спрятать. И не потеряешь, и «лихие люди» не найдут. А коли найдут – без хозяина, без подписи его тайной, все едино получить ничего не смогут.

Пока, правда, отказываться от привычной монеты люд не спешил. Но и Егор не торопился. Этот план был рассчитан на десятки лет, а то и на века.

Финансовая хватка однажды уже выручила Егора, когда в ответ на местническое зазнайство краковского князя Семена, урожденного Кубенского, он просто «высказал опасение» всем торговым конторам по поводу дел в Кракове – после чего заезжие купчишки потянулись в другие земли, а местные менялы резко зажали серебро в мошнах. Цены в городе тут же прыгнули вдвое, с работой внезапно стало плохо, продукты пропали… Народ через месяц возроптал, угрожая поднять князя Семена на вилы и поклониться императору за новым наместником. Однако Семен Кубенский успел примчаться первым, смирил гордыню и попросил у Егора помощи. После чего в Кракове так же внезапно все стало хорошо. Князь Семен, похоже, так и не понял, что именно произошло, но знатность Егора со своею больше уже не сравнивал.

Финансовая власть была секретной, ее вопросами Вожников занимался лично – три-четыре часа в день разбирая балансы казначейских отделений с их прибылями и убытками, общаясь с заезжими купцами и фабрикантами, слушая жалобы и просьбы, а заодно бережно выстраивая третью свою опору – производственную. Заматеревший Кривобок прислушивался к советам князя и с готовностью ставил все новые и новые опыты по выплавке железа и производству пушек. Вокруг него быстро разрасталась школа молодых розмыслов, с готовностью бравшихся за любые задачи. Усилиями азартных мастеровых вместо привычных домниц на Железном поле вырастали огромные домны высотой в десяток саженей, способные за день превратить в чугун сотни пудов болотной руды.

Для здешних мастеров чугун всегда был трагедией, бесполезным браком, но Егор знал, в чем хитрость, и посоветовал плющить его и продувать воздухом в раскаленной печи, выжигая лишний углерод. И дело пошло…

Следующим шагом, по замыслу Вожникова, предполагался перевод домен с болотной руды на железняк – и направленный в карман Кривобока один из золотых ручейков должен был решить этот вопрос всего за год или два. И тогда сталь в Империи станет дешевле дерева.

Четвертой опорой Егора была вера. Из далекого будущего Вожников вынес память о том, как религиозное противостояние может стать причиной жестоких кровавых мясорубок, и намеревался покончить с подобной перспективой на корню. Причем простым и надежным способом: наделить правом служить в церквях и мечетях лишь тех священников, что получат воспитание в семинариях и медресе Ярославля, создаваемых прямо сейчас под совместным патронатом

римской курии, греческого патриархата и казанского муфтията. Ныне, когда и римский, и греческий патриархи оказались от императора в зависимости, создать единый духовный центр Егор надеялся без особого труда. В дальнейшем нести слово Божие должны будут лишь те, кто получит на сие великокняжеское разрешение. Для проповедников без лицензии «духовный центр» предполагался чуток подальше, на обледенелых северных островах – чтобы до невинных людей поганым словом не добрались.

Слово – оно ведь порою страшнее булата разить способно.

Пятой опорой должна была стать хорошая быстрая связь между различными краями и весями огромного государства… Но тут Егору продвинуться дальше ямских станций пока не удавалось.

В общем, даже простое перечисление всего, чего хотелось и что требовалось делать обязательно, дабы сохранить добытое, – и то выходило долгим и нудным.

А уж все это терпеливо исполнять…

К счастью, работы Вожников не боялся, строить умел и любил – иначе свою лесозаготовительную контору создать и сохранить ни за что бы не смог. А потому: взялся за гуж – не говори, что не дюж.

Заутреня – завтрак – прием в Посольских палатах челобитчиков и посланников – обед – послеобеденный отдых, в реальности посвящаемый делам тайным – выход к вечерне – прощание с боярами, отход к отдыху, половина которого тоже съедалась делами финансовыми и техническими, короткий сон и опять на каторгу – властвовать!

Радовало только то, что юная Империя мощнела на глазах, скрепляемая видимыми и невидимыми стяжками: клятвами преданности, перемешанными уделами, денежной и дорожной сетью, единством законов, мер и весов, общей печатной азбукой и общими правилами производства. В общем, Егор старался, как мог – вот только времени у него не оставалось даже на то, чтобы жене изменить. Хотя Елена все равно находила всякие поводы для своей неизменной горячей ревности.

В этой кутерьме Вожников уже к завтраку забыл и о портрете, и о Тамерлановом внуке, и о разговорах о баскаках – однако Елена, умница, памятку себе, похоже, сделала. И незадолго перед вечерней службой, когда Егор, наряженный в тяжелую, как латный доспех, и жаркую, несмотря на мороз, соболью шубу и расшитые валенки, в бобровой шапке и с высоким резным посохом из мореного дуба остановился на берегу Волхова, с завистью смотря на ребятню, что каталась по ледяному склону у далекого моста – сбоку к нему подкрались, допущенные охраной, три хорошо одетых седобородых татарина, двое из которых были в теплых мохнатых малахаях и тулупах, а один, самый молодой – в тюрбане с пером и толстом стеганом халате, обшитом шелковыми полосками.

– Это еще кто? – не понял Вожников, вопрошая по поводу странных просителей не столько самих татар, сколько свою свиту.

– Посольство правительницы Айгуль, мой возлюбленный супруг, – улыбнулась княгиня. – Ты ведь желал сегодня увидеть баскака, присланного ханом Улугбеком, внуком Тамерлана?

– Султан Улугбек шлет тебе поклон, великий князь, – низко поклонился татарин в тюрбане, – многие подарки и заверение в дружбе. Он наслышан немало о твоей мудрости и надеется найти в тебе своего единомышленника, вместе с которым сможет сделать наш мир добрее и красивее.

– Посол султана? – удивленно глянул на жену Егор.

– Посольских грамот не было, – тут же ответила Елена, которая следила за правилами дипломатического этикета со всей строгостью. – Токмо отписка от ханши.

– Я прибыл с просьбой, а не с посольством, господин… – поспешил сгладить щекотливую ситуацию татарин. – Ведь в нашем мире почти ничего не знают о твоей новой державе, великий князь. Неведомо нам даже, как к тебе обращаться.

– Нам тоже мало что ведомо о жизни в ваших краях, – сказал Егор. – Однако имя хана Улугбека кажется мне знакомым. Чем прославился твой повелитель?

– Он еще слишком юн, господин, чтобы обрести славу. Однако планы султана достойны восхищения. Он надеется возродить у себя в державе Дом Мудрости[3 - Дом Мудрости – исламская академия, основанная в IX веке халифом ал-Мамуном в Багдаде. Сотрудниками Дома Мудрости в разное время были такие выдающиеся ученые, как ал-Хорезми, Ибн Турк, ал-Фаргани, ал-Джаухари, ал-Марвази, ал-Кинди, братья Бану Муса, ал-Махани, Сабит ибн Корра, Куста ибн Лукка, ан-Насрани, ал-Ахвази, Абу-л-Вафа, ал-Кухи. В XIII веке Дом Мудрости был уничтожен вместе с библиотекой после завоевания Багдада татарами.], основать в Самарканде, Гуджване и Бухаре медресе, в которых собрать самых великих мудрецов всего мира, построить обсерваторию.

– Вспомнил! – щелкнул пальцами Вожников. – Обсерватория Улугбека в Самарканде!

– Да, именно там ее и начали возводить, – согласно склонил голову татарин.

– Вот оно, значит, как… – Егор, прикусив губу, нетерпеливо постучал посохом по обледеневшей тропинке. Гость стал ему интересен, однако время приближалось к вечерне, беседовать было некогда. Князь еще раз щелкнул пальцами и решился: – Эй, кто-нибудь! Отведите посланника во дворец, велите накормить, коли голоден, отпоить сбитнем. Вижу, не по нашей погоде одет, зуб на зуб не попадает. Пусть ждет. Мыслю, беседой интересной нас с супругой перед ужином побаловать сможет. Идем, милая, пора.

– Конечно, дорогой, – кивнула Елена и, понизив голос, спросила: – Так кто это такой?

– Султан Улугбек? Правитель Самарканда и величайший ученый современности. Насколько я помню, он добился таких невероятных достижений во всех возможных областях науки, стал настолько мудр, что был обвинен в ереси и свергнут собственным сыном, который и отрубил ему голову[4 - Султан Улугбек известен в первую очередь «Гурганским зиджем» – звездным каталогом, изданным в 1437 году. Труд содержит сведения о 1018 звездах, распределенных по 38 созвездиям. Точность измеренных султаном координат оставалась непревзойденной вплоть до XVIII века. Сама обсерватория тоже была уникальным и драгоценным инструментом, но через 20 лет после казни Улугбека ее разобрали на кирпичи.]. Но это будет еще не скоро, а пока для нас важно то, что сосед он мирный и воевать не станет. Лет на двадцать за юго-восточные границы можно быть спокойными.

– Да, спокойное порубежье – это хорошо, – согласилась княгиня.

Подобные пророчества из уст своего мужа Елена слышала не раз, а потому особо не удивилась. Иногда предсказания оказывались на удивление точными. Иногда – смешили своей наивностью. Но по большей части относились к столь далекому будущему, что проверить их правдивость было невозможно. Вот как и это: поди проверь, казнит через двадцать лет своего отца еще только родившийся сын или передумает? Хотя с обсерваторией князь, похоже, угадал. Да и вообще, послушать сказки о странах неведомых зело интересно будет…

Княгиня повернула голову, подманила пальцем первого попавшегося на глаза молодого нарядного боярина в цветастом зипуне и расшитой сине-зеленой шапке:

– Отведи басурманина во дворец, ключницу покличь. Передай, я до вечера приютить велела.

– Пересвет я, княжич Елецкий, – поторопился представиться паренек и поклонился: – Все исполню в точности, княгиня!

– Поспешай, – милостиво махнула рукой Елена и тут же отступила к мужу.

В Новгороде ее чтили, слушали и опасались даже сильнее, чем самого правителя. Ведь тот половину времени пребывал в походах и разъездах. Княгиня же оставалась здесь всегда. Причем – со всей полнотой власти. Коли прогневается – судьбу любую скомкает, словно тряпку, и в окошко выбросит. Князь же в заботах своих о том даже и не прознает.

Княгиня крепко взяла мужа под локоть и вскинула подбородок – ей такое положение нравилось. Ей кланялись все, она – никому. Ее боялись, она – никого. Перед ней раболепствовали, ловили ее взгляд, каждое слово, стремились исполнить желание – ей же требовалось только карать или миловать. Оставалось только одно, совсем слабое разочарование: подняться выше было уже некуда. Она – императрица!

Все, что теперь оставалось бывшей невольнице – так это как-то подтверждать свой титул правительницы половины мира. Заказывать себе лучшие наряды и

украшения, присутствовать на обедах и приемах, строить новые дворцы.

С дворцами получалось пока что хуже всего. Переделывать новгородский – бывшее Амосово подворье – она не могла, поскольку обитала в нем с мужем и челядью. Разве только новый строить – но новый имело смысл возводить в новом месте, в новой столице, где-нибудь дальше на западе, куда быстро сдвигались границы многолюдной державы. Выбрать город, созвать розмыслов, определить место, составить план…

Между тем Егор о сих важнейших делах даже не задумывался, полностью посвящая себя глупому кузнечному баловству, тренировке ватажников, переделке кораблей и возков под новые пушки, отправке рудознатцев в верховья Камы и Печоры, строительству плавильных печей и обучению боярских детей.

Хотя зачем помещиков и простолюдинов куда-то посылать, учить или тренировать? Пару смердов запороть, пару бояр поместий лишить – остальные сами все сделают, только приказывай!

С этими императорскими заботами великая княгиня и отстояла всю службу, погруженная в себя, толком ничего и не услышав, даже не заметив стараний митрополита. Распрощалась с четами княжескими, села в поданные сани, каковые и доставили их с мужем во дворец. Где Егор, едва войдя в жарко натопленную княжескую половину, скинул шубу на руки дворне, наскоро поцеловал Елену в щеку и тут же скрылся в «черной комнате», как прозвали слуги просторную горницу, выбеленные стены которой были расписаны собственноручно повелителем: синими линиями – начертаны реки и озера, коричневыми – горы, черными – болота, зелеными – моря и океаны. Кроме того, карту известных земель покрывала россыпь красных точек: кружки – крупные города, точки – просто поселения, пунктир – важные торговые пути с прямоугольниками – волоками, треугольниками – порогами и линиями – мостами.

Именно здесь великий князь принимал всякого рода черный люд: купцов, ремесленников, рудознатцев, казенных посыльных. И после каждой встречи на стенах добавлялись новые значки, отмечая новые месторождения, вновь появившиеся волоки или каналы, или поселки, ранее неизвестные, а теперь описанные неким купцом или посланником, а зачастую – и получившие небольшое отделение великокняжеской казны, либо с подьячим, но куда чаще – с местным бюргером, достаточно умным и богатым, чтобы заключить договор с

императором и стать частью единой денежной системы государства, обеспечив себе и своим потомкам безбедное будущее.

– Я пришлю позвать тебя к ужину, – смиренно сказала в спину мужа княгиня, позволила набежавшим девкам снять с себя шубу, платок, кокошник, оставив на голове только жемчужную понизь, а на плечах – бархатное платье с золотым шитьем.

Она направилась было в свои покои, но тут перед ней упал на колено боярин в зипуне, сорвав с головы шапку:

– Я выполнил твое повеление, госпожа!

– Сколько тебе лет, мальчик? – остановилась княгиня.

Теперь, когда лицо служивого больше не скрывали ни высокий меховой ворот, ни глубоко сидящая шапка, стало видно, что это совсем еще ребенок.

– Пятнадцать, госпожа! – ответил тот, склонив голову еще ниже.

– Врешь, поди? На вид больше тринадцати не дашь!

– Моих лет вполне хватает, великая княгиня, чтобы восхититься красотой твоей непостижимой, статью и обликом, глубиной глаз прекрасных, разлетом бровей соболиных, жемчугом зубов белоснежных за губами рубиновыми…

– Ты же даже не смотришь на меня, паршивец! – возмутилась Елена, хотя и ощутила, как по телу ее пробежала горячая волна удовольствия от наполненных страстью слов.

– Каждый день ко всем службам прихожу, госпожа моя, дабы хоть издалека, хоть краешком глаза своего тебя увидеть, походку твою лебединую лицезреть, щеки румяные, улыбку твою заметить…

– Встань! – передернула плечами женщина, не в силах справиться с возникшим томлением. Подобных слов она не слышала уже очень, очень давно.

– Пересвет, княжич Елецкий! – напомнил свое имя мальчишка.

– Пошел вон! – сквозь зубы выдохнула княгиня, ненавидя его за собственную слабость.

– Повинуюсь, госпожа, – склонившись, попятился паренек, дошел почти до двери, повернулся, положил ладонь на толстую тесовую створку, готовясь ее толкнуть.

– Стой! – опять передернула плечами правительница половины мира, видя, как из ее жизни опять уходит уже подзабытое чувство сладкого предвкушения новизны.

– Да, госпожа? – моментально поворотился юный Пересвет.

– Как ты сюда попал, княжич Елецкий? Нечто не в Рязанских землях твой удел?

– Нет ныне моего удела, повелительница, – опять опустился на колено мальчик. – Токмо кровь да пепелище. Дед у Тамерлана в неволе сгинул, отца Едигей извел, последних смердов татары порезали. Токмо разор и меч земле моей достаются, победы же в иные края извечно уезжают[5 - Тамерлан захватил Елец в 1395 году, пленил князя и две недели грабил и разорял окрестные земли. Едигей довершил разорение в 1408 году. Последнее упоминание о Елецком княжестве относится к 1414 году. И опять – из-за разграбления неведомыми татарами. Имена князей того периода достоверно не известны.]. Кроме имени, не осталось ныне у меня ничего.

– Татарина привел?

– Это сарацин, госпожа, – поднялся с колена Пересвет. – Именем Хафизи Абру, родом из Герата, служил при дворах Тамерлана и Шаруха. Просил дозволения зайти на постоялый двор за подарками, я проводил. Мешок забрал тяжелый. Оружия при нем никакого не заметил, ничего странного тоже.

– Глазастый, стало быть? – покачала головой Елена. – Ну, коли так, ступай… Дальше за ним смотри. Мыслю, к ужину позовем.

– Слушаюсь, великая княгиня, – повеселел мальчишка и перебежал к другой двери, в людскую.

Елена опять передернула плечами и, внезапно передумав, вернулась к повороту в глубину дома, дошла до «черной комнаты», шагнула туда. Склонившиеся над столом мужчины, оставшиеся в своем кругу в одних рубахах, удивленно подняли на нее глаза.

– Вон все отсюда! – рявкнула императрица, спокойно пересекла комнату, решительно обняла мужа, жарко, долго, страстно поцеловала его в губы, как когда-то давно, в первую встречу, когда оба они были рабами жалкого ордынского бея.

Егор ответил, тоже обнял, прижал к себе. Но когда она наконец-то отстранилась, все же спросил:

– Ты чего?

– Мне захотелось поцеловаться, мой любимый супруг, – поправила понизь она. – Или мне что, пажа завести для подобного услужения?

– Я тебе заведу! – Егор приподнял ее, крутанулся, поставил обратно, погрозил пальцем: – И думать не смей! Осерчаю…

– Я тебя, любый мой, ровно послы немецкие, токмо на приемах вижу, – покачала она головой. – Днем ты с боярами, вечером с чернью, ночью спишь. Вечером…

– Вечером ты сама бумажки перебираешь… – перебил ее Вожников. – Помнишь присказку: «С милым рай и в шалаше»? Выходит, не понимали мы до конца ее смысла. В шалаше, выходит, рай. А во дворце – одни хлопоты. Хочешь, бросим все да умчимся вдвоем к себе на Воже? Нет, не туда… В лес, на Тихвинку. Я срубик уютный сварганю, камышом да лапником покрою, печь черную сложу. И останемся только ты и я, и тишина окрест…

– Зачем лишние хлопоты, Егорушка? – улыбнулась великая княгиня, взяв его за руки. – Я тебя и во дворце люблю. Просто иногда по голосу твоему скучаю, да по рукам твоим, да по губам и объятиям.

– Нечто приснилось что-то и вчера ничего у нас не случилось? – прищурился Вожников.

– Вчера, позавчера, – пожала она плечами. – А до того тебя все лето, да весны изрядно, да всю осень и не слышно и не видно было. Примчался, приласкался – ан в глазах, вижу, новые помыслы горят, с места сорваться тянут. Да еще Айгулька твоя портретами на скуку свою намекает, да людишкам черным ты каждую минуту отдаешь, да стены рисуешь… Может, и верно, пажа от тоски бабьей завести? Немки сказывают, кастраты для баловства сего хороши. И выносливы зело, и голосом приятны.

– Хочешь, в следующий раз с собой тебя возьму?

– Вот, я же говорила! Ты уже о новом отъезде помышляешь!

– Думать я о чем угодно могу, Леночка. Но люблю-то только тебя!

– Поклянись!

– Вот те крест! – отпустив жену, перекрестился Егор.

– Да я и так знала, – наморщила носик княгиня Елена.

– Ты, и только ты… – Вожников пошел по пустой комнате, гася расставленные вдоль стен свечи. – И вообще. Работа не волк, в лес не убежит. И без меня сами все давно знают, что делать надобно. Пусть привыкают самостоятельно думать, без папочки.

Заперев дверь, он взял жену за руку, повел за собой дальше, в самый дальний край княжеской половины, к запретным для простых смертных покоям.

– Все! Сегодня весь вечер только ты и я!

– Постой, Егорушка… А ужин?

– Ну, так вели накрывать! Посидим вдвоем, хоть налюбуемся друг другом вдосталь.

Понятливая Милана быстро организовала для правящей четы именно тот стол, какой они хотели: курага, инжир, моченые яблоки и чернослив, мед с сыром, красное и белое вино, ягодная пастила и цукаты. Все то, чем можно угощаться, не наедаясь, сохраняя силу и легкость в теле. А когда Егор и Елена вошли в горницу, чтобы сесть за стол, поинтересовалась:

– Татарина прогнать, матушка? Коего за ужином скоморошничать позвали?

– А-а, сарацина этого? – Княгиня глянула на мужа и щелкнула пальцами: – Пусть приходит, зови. Может, позабавит сказками новыми? О землях неведомых, о чудищах и народах далеких… Подарки его посмотрим. Зови! И можешь не возвращаться. Надоест – сами прогоним.

Егор, улыбаясь, перехватил ее руку, поцеловал запястье, привлек ближе, коснулся губами губ, налил в кубки вина.

Великое все-таки дело – отсутствие Интернета и телевизора! География и этнография за развлечение застольное считается, наравне с гуслярами и скоморохами. Коли наука в этом мире быстрее индустрии развлечений развиваться будет – вскорости бояре на пирах за кубком хмельного меда квантовую физику и сопромат обсуждать начнут. Им бы только чутка образования подкинуть, да церковным морализаторством придавить. Чтобы на блуд всякий мыслями не шибко сворачивали. Хотя бы – вслух. Ну, да за патриархом Симеоном не заржавеет…

В легком нарядном халате, обшитом для красоты зелеными и красными атласными лентами, в полотняной зеленой чалме, скромно украшенной единственной серебряной нитью, гость выглядел лет на сорок. Острая короткая бородка, обычно называемая «кацапской», тонкие ухоженные усики, впалые карие глаза, седые брови и светлая кожа. Если бы не одежда – гостя запросто можно было бы принять за датчанина, венгра или рязанца. Разве только худощавостью излишней он от обычных новгородцев и отличался.

– Султан самаркандский Улугбек тебе, великий правитель русский, татарский и немецкий в моем лице челом бьет. – Дойдя до середины застланной коврами горницы, гость низко поклонился, держа в руках что-то, накрытое бархатной тряпицей. – Прослышал он о великих деяниях твоих, о мудрости и победоносности и послал меня, скромного слугу своего, писаря Хафизи Абру,

заверить в своем уважении и желании дружбы. Султан, господин мой, с радостью пришлет к тебе посольство достойное, дабы установить отношения добрые меж нашими державами, коли ты, повелитель, дашь на то свое соизволение. Ныне же я всего лишь путник, просящий о милости и снисхождении. Прошу тебя, о величайший, принять от меня скромный дар в знак моего уважения…

Гость одной рукой сдернул тряпицу, другую поднял выше, ухитрившись при этом еще и поклониться, сделал несколько семенящих шажков вперед и протянул несколько свитков, намотанных на резные деревянные валики. Вожников поцеловал жену в плечо, отпустил ее, наклонился вперед, принял подношение. Два свитка положил на край стола, третий развернул на длину в пару локтей, рассматривая разноцветную арабскую вязь. Удивленно хмыкнул:

– Что это?

– «Зубдат ат-таварих», о величайший, – отступил сарацин. – «Сливки летописей». Плод моего многолетнего труда по написанию всемирной истории. Больше десяти лет я читал летописи разных стран, выписав для ученых людей самые важные события с момента дарования людям Корана – да просветлит разум смертных слово Божие! – и до воцарения в Самарканде султана Шахруха, отца премудрого султана Улугбека.

– От, черт! – охнул Егор. – Да это же настоящее сокровище! Проклятие! И я не понимаю ни слова!

– Я велю переписать, милый, – пригубила вино великая княгиня. – Арабский у нас, почитай, все купцы не хуже русского знают. Не первый век с Персией, Хорезмом и Индией торг ведут. Найдется писарь, сей премудростью владеющий, перепишет.

– Тогда лучше сразу гранки делать, и в печать! – решительно отрезал Вожников и опасливо, чтобы не повредить, свернул свиток. Указал на другой: – А это что?

– Описание земель персидских, индийских и китайских, и иных, принявших ислам, да прославится в веках имя Аллаха, великого и всемогущего, – поклонился гость.

– Это? – ткнул пальцем в третий список Вожников.

– Описание мудростей числительных, таинств сложений и умножений, правил Абу Абдуллаха ибн Мусы Ал-Хорезми[6 - Этот математик жил предположительно с 783 по 850 год. Считается основателем алгебры. Название «Правила Ал-Хорезми» ныне сократились до простого термина – «алгоритмы».] для дел купеческих и земельных, секреты измерений и их записи, определения длин, смертным не достижимых…

– О, черт! – снова охнул Егор. – Это просто дар небес! Потрясающе… Что ты хочешь получить взамен этих сокровищ?

– Нижайше прошу о покровительстве, властитель, – повеселел сарацин, поняв, что смог угодить здешнему правителю. – Составляя труды свои, посвященные знаниям земель, народов, сии земли населяющих, делам податей, торговли и возделывания пашни, я смог узнать многое о мире исламском[7 - Хафизи Абру (родился в Герате, дата неизвестна, умер по одним данным в 1430 году, по другим – в 1451-м) оставил после себя несколько десятков сочинений, посвященных математике, а также географии, экономике и истории многих стран. Нет сомнения, что возникшая к северу от Самарканда империя вызвала бы у него большой интерес.], однако же мир христиан остается для меня закрытым семью печатями. Хотел бы я с позволения твоего, о великий, проехать через державу твою и страны приграничные, дабы увидеть глазами своими, какова жизнь в сих местах, не осененных милостью Аллаха. Развеять легенды ложные, что сказывают о мире христиан средь народов Востока, подтвердить истинные, открыть господину моему и прочим умам ученым свет истины.

– И что сказывают о мире христианском в ваших странах? – поинтересовалась княгиня, закусывая кисловатое вино хрустящими медовыми цукатами.

– Молвят много интересного, страшного, а порою и странного, госпожа, – приложил ладонь к груди своей сарацин. – Иные легенды столь невероятны, что не решусь о них вслух упомянуть, пока истинность сказаний подобных не проверю.

– Сказывай, сказывай, – приободрила его Елена. – Дюже любопытно, каковы побасенки про нас складывают?

– Доносят мудрецы и путники разные, что дожди в землях русских столь часты и обильны, что порою небо по многу дней черным остается, а реки из берегов выходят и на десятки верст леса и поля окрест затопляют.

– От дождя такое не часто случается, – пожал плечами Егор. – Разве только в половодье.

– Нечто и вправду воды в реках и дождях так много бывает? – удивился Хафизи Абру. – У нас обычно каждая капля наперечет, каналами на поля отводится, за отдельную плату к посевам пускается. Лишь изредка небеса разверзаются, обрушивая ливень, но сия беда страшнее засухи. Она сносит целые деревни и забирает жизни сотнями. Как же вы живете, коли у вас стихия подобная несколько раз в году бушует?

– Крыши покрепче, стены потолще, дренаж хороший от водостоков, – пожал плечами Вожников. – И ничего, жить можно. Зато с орошением никаких проблем.

– Еще сказывают, в реках русских живет рыба странная. Ест она не траву или мясо, а деревья прибрежные; дома себе, ровно человек, из глины и стволов строит, вся мехом покрыта, и мех сей превыше многих других знатными людьми у вас ценится.

– Бобер!!! – обрадовалась Елена. – Точно, есть такой! Его во многих монастырях в пост кушать дозволено. Ибо раз в воде живет, значит, рыба! Давай, мудрец, загадывай еще загадки. Может, отвечу.

– Молвят путники, живет у вас в ледяных землях индриг-зверь: от холода под землю прячется, там детей выводит, норы роет, кореньями питается, а как на свет выглядывает – так от солнца умирает сразу! Жители тамошние на него тем и охотятся, что свет в пещеры его пускают, а опосля бивни отламывают и для копий своих используют, али украшения режут, ровно из кости слоновьей. И от кости той бивень индриг-зверя не отличить!

– Мамонт, – немного выждав, сказал Егор. – Вообще-то они мертвы уже давно. Просто весной и летом туши из земли талыми водами вымывает. Бивни в тундре можно как грибы собирать.

– Велик Аллах, и деяния его непостижимы, – вскинул руки к потолку Хафизи Абру. – Не ожидал, что сия легенда правдивой окажется. А вот еще сказывают, что моря ваши столь холодны бывают, что замерзают от берега и до берега, и по ним, ровно пополю, в иные страны ездить можно.

– Ты на Волхов сегодня смотрел, мудрец? – решила съехидничать Елена.

– Так ведь то река, госпожа… – осторожно возразил сарацин.

– Так ведь и морозы на нашем севере куда крепче здешних случаются.

– А правду ли сказывают, – после короткой заминки продолжил свои загадки Хафизи Абру, – что в тех морях ледяных рыбы плавают, что размером больше ладьи вырастают? Рыбы те горячие и жирные, и ради жира этого жители северные на сих рыб охотятся. Да не просто охотятся, а с лодок, что рыбе той размером не больше, чем с голову будет?

– Известное дело, рыба-кит, – пожал плечами Вожников. – Нечто у тебя загадок посложнее не найдется?

– Сказывают путники иные, и рабы христианские сие не опровергают, что в землях западных немцы местные смерти поклоняются, превыше пророка Исы[8 - Пророк Иса – Иисус Христос, в исламе почитаемый за одного из пророков.]ее ставя. При сем особо ценится смерть насильственная, с мучениями всякими связанная. Каждая казнь у христиан тамошних за праздник великий считается, толпы зрителей немалые собирает. Потому ради удовольствия всеобщего там казнят людей всяких за любую малую оплошность, а зачастую и вовсе без повода, выбирают для умерщвления девиц красивых или мужей крепких и подолгу их мертвыми держат для любования. И сказывают, что, по верованиям христиан западных, большая польза от казненных сих проистекает, ибо под повешенными корень любовный растет, мандрагорой именуемый, веревка повешенного от болезней многих помогает и удачу приносит, кровь же его способна неудачливую судьбу на счастливую переменить; рука казненного дома от кражи оберегает, одежда казненного скот домашний тучным и здоровым делает, коли ее порвать и обрывками коров и ясли хоть немного потереть. И ради тех вещей полезных казни творят христиане с большой радостью, нередко путников случайных вешая, лишь бы останками их поживиться и селения свои украсить… – Сарацин замолчал, с нетерпением ожидая ответа.

Вожников от услышанного закашлялся, торопливо выпил вина, постучал себя ладонью по груди, покрутил головой. Не зная, что сказать, наполнил кубок снова.

И что тут можно было ответить? Сказать, что католические христиане смерти не поклоняются? Что это просто случайность и мелкие народные суеверия? Но только как тогда объяснить, откуда подобные верования взялись? Тем более что, отправившись в Европу, Хафизи Абру собственными глазами увидит роскошные виселицы на перекрестках и улицах, и у дворянских усадеб Германии, эшафоты на главных площадях Франции и Италии, дерево висельников в Англии[9 - Дерево висельников – Тайбёрнское дерево в западной части Лондона. Поначалу это было просто дерево, на котором с 1196 года развешивали казненных, в дальнейшем – сложное инженерное сооружение, за один раз способное «вздернуть» до 24 человек (рекорд от 23 июня 1649 года).]… И сделает вполне естественные выводы по поводу нравов и богов христианского мира.

Егор лихорадочно искал объяснение – но как назло, в голову ничего не приходило. Хотя, наверное, никакого объяснения и не существовало. Тысячи казненных каждый день – нередко даже совсем малых детей – вряд ли можно оправдать какими-то разумными доводами. Ни борьбой с преступностью, ни дисциплиной, ни опасностью измены. Русь или Орда в этом отношении гуманизмом тоже не отличались – но здесь жертвы правосудия исчислялись все же десятками, а не десятками тысяч!

– Однако, ты хорошо говоришь по-русски, Хафи-зи Абру, – выручила мужа княгиня нежданным вопросом. – Где ты выучил наш язык?

– Это было несложно, госпожа, – почтительно склонил голову сарацин. – Как ты изволила заметить, в наших краях множество купцов бывает из земель ваших. Языки же франков, англов и германцев учил я у полонян, в море Средиземном захваченных и в походах андалусских[10 - Андалусия (аль-Андалус) – арабское название Испании.].

– Ты говоришь на всех этих языках? – удивился Егор и с ходу попытался освежить свои слабые познания в английском: – You've had a lot of teachers?

– Five servants of the Persia Shah, – с готовностью ответил мудрец.

– Что? – поинтересовалась Елена.

– Я спросил, сколько у него было учителей, – перевел Вожников. – А он ответил, что пятеро из них прислуживали в Персии у шаха.

– France, aussi, est venue des fonctionnaires? – обратилась к гостю княгиня.

– J’ai autorises ? communiquer avec ses concubines dans le harem du Shah, да отблагодарит Аллах правителя за его мудрость, – ответил Хафизи Абру.

– Умеет устроиться наш ученый, – рассмеялась Елена. – Французский он изучал у наложниц в гареме своего господина.

– А где изучал германский?

– У наемников могучего Тамерлана, властитель, – ответил сарацин и повторил на немецком: – In m?chtigen S?ldner Tamerlan, der Herrscher.

– Я восхищен твоей мудростью, дорогой Хафизи Абру. Полагаю, ты должен быть не писцом при султане Улугбеке, а главой его медресе.

– Благодарю за столь лестные слова, великий князь и император, – приложил руку к груди сарацин, – но глава медресе должен заниматься строительством, библиотекой и обучением учеников. Писец же с дозволения господина волен в своих путешествиях. Дозволишь ли ты задать еще один вопрос, повелитель?

– Задавай, – разрешил Егор, хотя внутренне напрягся.

– Верно ли сказывают путники, великий князь, что ты не берешь со своих подданных податей? Что токмо богачей ими обкладываешь?

– Да, мой милый! – встрепенулась и Елена. – Почему ты отказываешься подати собирать? Сколько раз тебе о том сказывала!

– Зачем обирать несчастных бедняков, в поте лица своего добывающих кусок хлеба? – развел руками Вожников. – Нечто мы голодаем, бедствуем? Пусть живут в покое, мне лишнего не надо…

Разумеется, это было наглым враньем. Великокняжеская казна налог получала со всех, даже с сирых и убогих, даже с жуликов и воров. Вот только записан он был не в книгах у сборщиков дани, а спрятан в ценах и товарах. Финансовую грамоту Егор усвоил в свое время неплохо и отлично понимал, что товар сам по себе ценности не представляет. Для получения прибыли его нужно перевезти от производителя к потребителю. А коли так – зачем содержать толпу мытарей и раздражать трудовой люд налогами, из-за которых они, если верить учебникам, бунтовали чуть не каждый год? Зачем, если подати можно спрятать в подорожные сборы и взимать с купцов и путников? Те, конечно, кряхтели и ругались, но платили – куда на таможне денешься? Потом закладывали расходы в цену и в итоге выходило, что каждый десятый грош, пфеннинг или лира, которыми расплачивались люди на рынках империи, в итоге пополнял мошну государства.

Вроде все просто – а никто не догадывался. Феодализм! Не знакомы еще здешние люди с подобными финансовыми махинациями.

Однако раскрывать сию тайну Егор не собирался никому и никогда. Даже собственной жене – вдруг проболтается? Ведь его власть опиралась не только на дворянские присяги, но еще и на тот факт, что простой люд постоянно расплачивался со всякими мироедами то барщиной, то оброком, то десятиной, то пошлиной – с помещиками, с епископами, с судьями, с воеводами. И только великий князь и император не требовал никогда и ничего – бескорыстно защищая и помогая, верша справедливый суд и награждая достойных, строя дороги и мосты. Ну как можно взбунтоваться против такого благородного повелителя?!

Посему Вожников был уверен, что в любой смуте народные массы всегда встанут на его сторону. И скрутят в бараний рог любого изменника. Имея за спиной подобную опору – править легко и приятно.

– Я поставлен господом заботиться о народе земном, а не обирать его, – продолжил Егор. – Посему податей в моей державе не будет никогда и ни за что!

– Я восхищен твоим бескорыстием и состраданием, властитель, – немало удивился гость. – Но как же при такой чистоте души ты решаешься вести войны, проливать кровь и покорять города?

– Что поделать, мудрый Хафизи Абру, – развел руками Егор. – Чтобы защитить свои города и веси, спасти подданных от гибели, опасных врагов приходится убивать, а дома их разорять или отдавать более достойным владельцам.

– Но ты раздвинул пределы земель своих достаточно далеко от отцовских земель!

– Но при том у меня появились новые подданные, которые тоже нуждаются в защите, – сказал Егор. – К тому же хорошая армия – это хищный ненасытный зверь. Его нужно постоянно кормить землями и поить золотом. Ветераны остепеняются и уходят на покой, однако им на смену рождаются молодые горячие воины, которые тоже жаждут славы и поместий. Некоторое время этого зверя можно удержать в узде. Но если не позволить ему поохотиться хотя бы иногда, ощутить свою силу, вкус победы, радость добычи, он может сожрать своего хозяина. Или, хуже того, забыть свое предназначение, ожиреть и сдохнуть. И тогда быть беде. Быстро найдутся другие хищники, чтобы разграбить нас самих.

– Значит, война не прекратится никогда, о властитель? – осторожно спросил Хафизи Абру.

– Ты спрашиваешь, нужно ли твоему господину меня бояться? – поднял бокал с вином Егор. – Все зависит от его желания. Он может стать врагом и испытать на себе силу моего зверя. Он может стать другом и союзником – и тогда мой зверь станет оборонять его границы столь же яростно, как и мои собственные. Искренне надеюсь, султан Улугбек выберет второй путь. И этот кубок я пью за его здоровье!

– Я передам моему господину твои слова, властитель, как только вернусь в Самарканд, – поклонился сарацин. – Надеюсь порадовать его не токмо твоим предложением дружбы, но и рассказом о своем путешествии по землям христианским, ученым нашим неведомым.

– Да-да, помню. Дозволение и покровительство, – кивнул Егор. – Ты их получишь. Но прежде того желаю, чтобы ты исполнил одно мое поручение.

– Сделаю все, что в моих силах, властитель, – пообещал сарацин.

– Не сейчас. Я скажу тебе, что нужно делать, завтра, после заутрени. Можешь остаться во дворце, в людской. Время ныне позднее, на улице темно. Да и завтра не опоздаешь.

– Слушаю, господин… – Поняв, что аудиенция закончена, гость сложился в низком поклоне и упятился за дверь.

– Прости… – Егор налил себе и Елене вина. – Хотел посвятить этот вечер тебе, а вышло, что опять дела да переговоры.

– Ну почему? – рассмеялась княгиня, снимая с волос невесомую понизь с россыпью мелких сверкающих жемчужин. – Поначалу зело весело получилось. Особливо мне про рыбу мохнатую понравилось, каковая деревья ест. И про то, как он в дожди наши обильные не верил и в морозы. Это потом вы на войну свернули. Все бы вам мечами помахать, бояре. И к тому же… – Елена отпила вина и легла на спину, положив голову ему на колени. – И к тому же, вечер еще не кончился.

– Не кончился… – Князь пригладил волосы своей жены, рассеянно скользнул рукой по ее плечу, по груди.

– Ты о чем думаешь, милый? Похоже, не обо мне.

– Умник самаркандский никак у меня из головы не идет. И вопрос его про поклонение смерти. Может статься, именно для этого Бог меня сюда и прислал? Ведь вся европейская история – это сплошная мясорубка. Кровь, смерть, казни, пытки, истребление целых стран и народов. Может, я прислан сюда, чтобы остановить этот кошмар, сделать Европу нормальной цивилизацией, избавить ее от запредельной злобности? Если повсюду установится русская культура, счет спасенным жизням пойдет на сотни миллионов.

– О чем ты, Егорушка? Куда тебя Бог послал? – Елена коснулась его щеки ладонью.

– Как это куда? – изумился Вожников. – В твои объятия, моя королева!

– Ну, слава богу! – рассмеялась женщина, обнимая его за шею. – Вспомнил!

***

После заутрени великий князь, как водится, вернулся в окружении князей, королевичей и дьяков.

– Проходите, гости дорогие, дорогу знаете, – разоблачившись, предложил Егор. – Я вас вскорости догоню…

Краем глаза он заметил, что шубу его жены принял на руки какой-то мальчишка, опередив дворовых девок, однако особого внимания на это не обратил, поскольку у стеночки его с подобающей скромностью дожидался самаркандский гость.

– Иди за мной, – тихо приказал Егор, быстрым шагом прошел по коридорам, отворил «черную комнату», первым шагнул туда. Огляделся.

Здесь было светло – солнце уже поднялось и через слюдяные окошки рассеивалось по просторной горнице. Стол в центре был завален бумагами и пергаментами – трогать что-либо без великого князя слуги не рискнули. После короткого колебания Вожников сгреб все документы на край, открыл ближайший сундук и засыпал туда. Знать лишнего иноземному гостю все же не стоило. Указал рукой на стену:

– Что ты там видишь, уважаемый Хафизи Абру?

– Какая интересная роспись… – медленно пошел по горнице сарацин. – Мне кажется, я видел что-то подобное… Где-то… В каком-то из трудов…

– Ты же образованный географ, писарь султана Улугбека? Я верно понял значение твоего подарка?

– О-о, Аллах!!! – внезапно простонал гость и упал перед стеной на колени. – О Аллах, ты явил мне чудо! Великое чудо! О Аллах, ты вознаградил меня за труды! – Хафизи Абру ткнулся лбом в пол, снова выпрямился. – Ради одного этого стоило ехать в мир холода и льда!

Вожников довольно улыбнулся. Все-таки приятно встретить человека, способного оценить твои старания. Даже купцы не особо понимали скрупулезности великого князя, полностью полагаясь на свои путевые свитки, а рудознатцы и ремесленники не видели особой нужды наносить на стену встреченные в пути протоки и ручейки, отмечать горы или шахты. Зачем, если и так о нужном месте и торговцы, и работники знают?

– Ты в подробностях изучил земли персидские, хорезмские, арабские, индийские, уважаемый Хафизи Абру, – облокотился на край стола Егор. – Мне же о сих краях почти ничего неведомо. Токмо север Персии купцы смогли описать, да часть Шелкового пути. Посему давай договоримся так. Ты получаешь все необходимое и наносишь на карту не отмеченные здесь реки, горы, дороги и города, я же взамен дарую тебе покровительство и право путешествовать по землям империи и за ее пределами.

– Велик Аллах! – снова поклонился стене Хафизи Абру. – Милость его безгранична. Он наградил детей своих мудрейшими правителями из мудрых, равными разумом пророкам и царям древности! Он прислал людям великого султана Шахруха, любящего звуки поэтического стиха превыше звона булата. Он прислал людям мудрого султана Улугбека, посвятившего себя не войне, а астрономии и математике. Он прислал людям тебя, великий князь Георгий, создавшего карту всего обитаемого мира во всех его мельчайших подробностях. Дозволь мне сделать ее копию, и я стану твоим преданным рабом до конца моих дней!

– Хорошо, делай, – разрешил Егор. – Но только сначала добавь на нее то, чего на ней не хватает, но тебе известно. Оставляю тебя наедине со своим сокровищем. Мне, увы, надобно возвращаться к делам.

Великий князь вышел из комнаты, отправился в малые пиршественные палаты, но по пути не удержался, заглянул к супруге, которая тоже готовилась к завтраку – но на женской половине и с женской свитой. Просто, чтобы еще раз поцеловать любимые глаза. Но, потянув створку, вдруг увидел стоящего перед ней на колене боярина.

– …взор твой тревожит душу, словно свет луны среди ночного мрака, аромат твоей кожи подобен весне среди зимней вьюги, звук твоего голоса согревает жарче солнца, – горячо шептал наглец, удерживая в пальцах руку Елены. – Твоя стать заставляет дрожать от вожделения любого мужчину, черты лица словно

высечены из…

– Дозволь, княже, – попыталась протиснуться мимо Егора дворовая девка. – Госпожа за накидкой соболиной посылала.

– Проходи… – посторонился слегка ошалевший от увиденного Вожников, запер за служанкой дверь, прижал ее ногой и рукой. Уже через миг створка вздрогнула от толчка, потом затряслась от ударов:

– Егор! Егорушка! Открой! Открой, любый мой! Это не то, что ты думаешь!

Вожников не думал ничего. И в голове, и в душе у него стало пусто, словно внутри лишившегося языка колокола.

– Егор, Егорушка… – Жена перестала ломиться и теперь только тихо гладила дверь ладонью. – Открой, милый…

Великий князь молчал. Он не знал, совершенно не представлял себе, что нужно делать в подобной ситуации. А придумать, решить на месте как-то не получалось.

Женщина сдалась, отступила, повернулась, зло рыкнула на Пересвета:

– Пошел вон отсюда, пока я тебя прежде мужа не убила! Боже, что же теперь будет, что будет?!

– Но ведь между нами ничего… – начал было оправдываться княжич, однако Елена настолько красноречиво потянулась к ножу на поясе, что он осекся и стреканул к ближайшей двери, нырнул за нее. Это была кладовая с платьями и сундуками, но мальчишке было не до выбора.

– Боже, что будет? – опять схватилась за голову Елена, толкнула служанку в плечо: – Чего стоишь, дура? Милану зови, бегом! И Федьку, коли на глаза попадется. Его князь любит, его послушает…

Девка метнулась в коридор – и дверь, на диво, оказалась уже открыта.

Вожников в это время решительно вошел в пиршественную палату и остановился, не доходя до стола. Поклонился знатным боярам:

– Прощения прошу, други, но веселитесь сегодня без меня. И приема утреннего сегодня не будет. Вести важные дошли до меня с ордынского порубежья. Срочно надобно с ними разобраться!

Егор поклонился еще раз и вышел, оставив высшую знать гадать, что именно могло произойти. Вожников был уверен, что факт о появлении в его покоях личного посланника из Самарканда очень быстро всплывет, подтвердив его слова, а остальное… Остальное князья с боярами сами додумают, они это умеют.

Через минуту правитель вошел в «черную комнату», запер за собой дверь, выдернул внутреннюю раму, распахнул окно, полной грудью вдохнул морозный воздух, зачерпнул скопившийся на подоконнике снег, отер им лицо, шею, бритую голову. Больше всего ему хотелось напиться – но ключ от бездонных погребов дворца болтался на поясе Миланы, заведующий хозяйством. Завести личную заначку Егор как-то не озаботился, а идти искать кого из дворни, приказывать накрыть стол не хотелось. Хотелось побыть одному.

У стены осторожно кашлянул Хафизи Абру:

– Прошу прощения, властитель, но не повредит ли холодный воздух сей дивной росписи?

– Мерзнешь, сарацин? – догадался Вожников, еще раз мазнулся снегом, закрыл окно. Поднял и ткнул на место вторую раму, вогнав по углам распорные клинышки. – Так лучше?

– Благодарю тебя, великий князь.

– Что-нибудь получается? – подошел ближе к нему Егор.

– Очертания морей сих неверно нанесены, мудрейший, – указал на Персидский залив географ.

– Все может быть, сарацин. По памяти рисовал. Ты старые контуры затри, они угольками простыми сделаны, новые нанеси. Потом закрашу.

– Не боишься, что случайным прикосновением труды многие испорчены будут?

– Боюсь, Хафизи Абру. Да токмо иначе как править? Когда уверенность появится, что все точно сделано, велю мозаикой каменной в храме Николая Чудотворца карту выложить. Сей святой – морякам покровитель известный, там ей самое место. А себе потихоньку новую, уточненную собирать начну. Только уже не на стене, а на куполе. Чтобы координаты не смещались.

– Боюсь прогневать тебя, властелин, но не просветишь ли ты меня, что за неведомые земли отмечены у тебя там, далее, на стене соседней? – указал самаркандский ученый на левую стену, на которой распласталось уродливое подобие Американского континента.

– Неведомая земля, – ответил Егор и, сразу отметая лишние расспросы, пояснил: – Поморов моих нескольких туда штормом уносило. Сказывают, дикарями заселена. Более ничего пока неизвестно.

Хафизи Абру перешел на ту сторону, осмотрел протяженную береговую линию, описывающую континент, россыпь островов возле будущей Канады, осиную талию Панамского перешейка, с некоторым сомнением пригладил пальцами кончик своей острой бородки, покосился на Вожникова, молча вернулся обратно, к Аравийскому полуострову.

– Вижу, ты опытный царедворец, сарацин, – рассмеялся Егор. – Все без слов понимаешь. Да, случайно попавший за океан моряк такой карты не составит. На это десяток лет и сотня экспедиций потребуется. Но ответа не будет. Я не скажу тебе, откуда все это знаю. Ты все равно не поверишь.

– Воля твоя, повелитель, – согласился Хафизи Абру. – Аллах наградил тебя знанием, он поместил тебя во главе могучей державы, он дал тебе волю и мудрость. Сила его безгранична, замыслы непостижимы. К чему гадать? Нужно лишь следовать его желаниям и своему предназначению.

– Если ты прав, сарацин, то ты тоже являешься божьим оружием. И прислан сюда, чтобы явить его требование. И про поклонение смерти ты тоже заговорил

вчера не просто так… – Великий князь Русский и император Священной Римской империи германской нации в задумчивости остановился перед хвостиком, разделяющим Средиземное море и Северный Ледовитый океан. – А вдруг это знак? Вдруг это напоминание о том, что, если я принесу алые стяги цивилизованного мира сюда, на западное порубежье, то уже не будет ни Варфоломеевской ночи, ни Святой Инквизиции. Не будет десятков тысяч повешенных при огораживании[11 - Число жертв «борьбы с бродяжничеством» в Англии оценивается в 160 000 человек (70 000 повешено при Генрихе VII и 90 000 при его дочери Елизавете I); во время резни гугенотов во Франции было убито 30 000 человек.], не будет геноцида в Америке и Африке, не будет работорговли и конкистадоров. Как полагаешь, сарацин, стоит ради этого затеять еще одну маленькую войну? Клянусь тебе, при этом погибнет лишь тысячная часть от тех смертных, которые сгинут, если не вправить мозги этому злобному племени!

– Я полагаю, великий князь, твой «зверь» проголодался. Ему опять нужно скормить гору золота и напоить морем славы. Ты просто ищешь оправдания для поступка, который все равно давно предрешен. Армии живут войной. И даже Всевышний не способен изменить этой истины.

– Напрасно попрекаешь, сарацин. Меня самого пугает эта мысль. Мысль о том, что я стану делать со «зверем», когда его окажется нечем кормить, – Егор обвел пальцем контуры Франции и Англии, задумчиво прикусил губу: – Но ты знаешь, мудрый географ, есть порождения, которые опаснее любой, самой кровавой войны. Настолько опаснее, что их лучше душить в колыбели, не считаясь с потерями.

– Странно видеть, как легко и просто решаются судьбы народов, великий князь.

– Не так уж легко, уважаемый Хафизи Абру. Чтобы из хищника не превратиться в жертву, врага нужно знать. А я… Я только помню, что сейчас между Англией и Францией вроде как идет Столетняя война. Это когда была Жанна д'Арк. Которая Орлеанская дева… – Егор почесал в затылке. – Н-н-да… Пожалуй, кроме нее, больше я ничего про эти времена и не скажу.

– Нечто тебе неведомы собственные соседи? – удивился гость. – Ты знаешь очертания далеких неведомых земель, но не интересуешься тем, что творится за собственным порогом?

– Этот «порог» я прибил на место всего несколько месяцев назад, – стукнул кулаком по карте Франции великий князь. – А до того англосаксы с французами были для меня так же далеки, как для тебя зулусы с их ассегаями.

– Зулусы? – удивленно вскинул брови Хафизи Абру.

Егор молча указал на самый низ пока еще почти не расписанного реками и горами Африканского континента.

– Мне будет дозволено спросить, властитель, откуда ты знаешь об этом народе?

– Нет. Не дозволено.

Во дворце тем временем творилась тихая суета. Узнав у привратников, что князь подворье не покидал, ключница разослала слуг по горницам, палатам и светелкам, самолично посетила опочивальни, заглянула в кладовки и подклети. Вернувшись к хозяйке, развела руками и покачала головой.

– Куда же он исчез? – стиснула кулаки княгиня. – Проклятие! Слова даже не сказал.

– В пиршественной палате обмолвился, что на рубежах восточных тревога какая-то возникла, – неуверенно сказала Милана.

– Портрет!!! – вскрикнула Елена, вскочила, сделала несколько шагов, но тут же остановилась. – Что же он, птицей туда улетел, никем не замеченный? – Она вернулась к своему креслу, села на мягко скрипнувший бархат. – Глупо-то как все вышло… Столько всего сотворила, и вдруг в миг один прахом все пошло. И из-за чего? Из-за шалости дурачка малого! А ведь ныне Егорушка ужо не тот, каковым я его приняла. Теперь за него любая с радостью ухватится. Хоть служанка смазливая, хоть ханша ордынская. Вона, как хитро Айгулька о себе напоминает. Императрицей каждой стать хочется. Пусть не по званию, так хоть наложницей, правительницей постельной. Оно, знамо, ночная кукушка дневную всегда перекукует.

– Он любит тебя, матушка. И никогда не изменит.

– Сколько тебя знаю, глупая девка, ты токмо это одно всегда и талдычишь! – стукнула кулаком по подлокотнику повелительница.

– Так разве я хоть раз за годы минувшие ошиблась? Слухи бродили всякие, да токмо ложью все оказались. Вспомни, ты даже грамотки ему отсылала, дозволяя наложницу себе прикупить. Так рази он польстился? Соглядатаи донесли, одну бабенку купил, да и та мельничихой оказалась. Для дела взял, к работе приставил. Там, в неметчине, поныне и обитает. Не мучай себя так, матушка. Коли уж на воле не загулял, так дома от пустяка малого тем паче не переменится.

– Много ты понимаешь, дура… – вздохнула княгиня, немного успокаиваясь. – И где он тогда?!

– Есть токмо одна светелка, матушка, от которой у меня…

– Точно! – вскочила женщина, торопливо оправила платье из тонкого и мягкого коричневого кашемира. – Ступай вперед, выгони всех из нашей половины! И чтобы никто в покои княжеские и носа не совал, пока не дозволю!

Елена чуть не бегом пробежала по коридору, остановилась перед «черной комнатой», занесла кулак, чтобы постучать, но в последний миг не решилась, и вместо этого приложила ухо к струганым доскам. Изнутри слышались шаги и тихий разговор.

– Егор, ты там? – негромко спросила княгиня. – Егор, отвори.

Внутри стало тихо.

– Егор… Егорушка, милый… Дозволь хоть слово молвить… – попросила она. Не дождалась ответа, погладила ладонью дверь: – Любый мой, не серчай. Не моя вина, Бог свидетель. Не я ведь на коленях стояла, не я слова томные сказывала. Что же ты от меня-то шарахаешься? Отвори…

Она с надеждой прислушалась, различила слабое перешептывание. Но о чем именно шла речь, не разобрала.

Между тем мудрый Хафизи Абру поклонился великому князю:

– Дозволь слово молвить, могучий властелин. Мы не в крепости, долго запершись не просидим. Естество рано или поздно наружу погонит. Коли все едино отворять придется, так лучше ныне сие сделать, когда говорить спокойно сможешь, а не тогда, когда мысли нуждами телесными заняты будут. Объяви волю свою, не мучай супругу неведеньем.

– Кабы я еще знал, какова она: моя воля? – покачал головой Вожников.

– Ты отвори. Может, тогда и узнаешь.

– Мудришь ты чего-то, сарацин… – Егор пригладил бородку. Вздохнул и отодвинул засов.

– Егорушка! – кинулась ему на шею Елена и стала горячо целовать лицо. – Что же ты меня пугаешь так, милый? Что же ты сердишься?

– А ты бы что сказала, кабы девицу предо мной увидела? – попытался отстранить ее муж.

– То же мальчишка малой совсем! Дитятко! Нечто к дитю меня ревновать станешь?

– Что-то больно страстно дитя это про аромат твой и вожделение сказывало…

– А хоть бы и так! – неожиданно с яростью топнула сапожком великая княгиня. – А может, мне тоже про губки яхонтовые мои, зубы жемчужные, про грудь высокую и глаза небесные услышать хочется! Я тоже баба, я тоже восхищения и похвалы слушать хочу! От тебя, вон, токмо про поместья да таможни разговоры одни! Я уже сама чугун от шлака по запаху отличить могу, и живицу от олифы! Ты молчишь – так хоть от дурачка о себе чего сладкого услышать! Да ведь с томлением своим я все едино не к нему, к тебе бегу, любый! О тебе одном душа моя болит, о тебе одном мечтаю! А ты… Чурка ты дубовая!

Елена резко отвернулась, растирая под глазами слезы. А потом вдруг выбежала из комнаты.

– А ты, говоришь, пусти, – покосился на сарацина Вожников. – Видишь, чего вышло? Я, теперь, оказывается, еще и виноват! И что теперь делать?

– Либо в монастырь насильно постричь, властитель, либо прощения попросить.

– Однако ты хорошо изучил наши обычаи, мудрый Хафизи Абру, – хмыкнул Егор.

– Благодарю, великий князь, – поклонился в ответ на похвалу сарацин.

Вожников прошелся вдоль стены, постучал согнутым пальцем по карте Франции:

– На чем мы остановились? А-а, на разведке. Надо бы мне по-тихому прокатиться там да осмотреться.

– Коли ты намерен отправиться с визитом, великий князь, нижайше прошу взять меня с собой, дабы я мог составить описание земель христианских.

– Какой визит, мудрейший? Кто мне что покажет и расскажет, если я со свитой в окружении рати поскачу, да с королями во дворцах обниматься стану? Мне не королей, мне нутро державы пощупать надобно. Чем народ дышит, на что ратники жалуются, какие помыслы у дворян, в чем меж знатью разногласия? Слухи среди черни послушать, чаяния их узнать. Опять же на дороги посмотреть тамошние, на крепости, на дисциплину ратную, на порядки местные.

– Лазутчиков послать мыслишь?

– Хочешь что-то сделать хорошо, сделай это сам… – задумчиво ответил Егор. – Лазутчика тоже учить надобно. Не всякий прочность стены по виду определит, не всякий в мыслях дворянских разберется. А иные еще не то сказывают, что узнали, а то, чего я от них услышать хочу. Нет, мудрый Хафизи Абру, самому и быстрее, и надежнее.

– Ты великий властелин, господин, ты князь и император! А жизнь лазутчика хрупка, как ветка саксаула. Как можно подвергать себя такой опасности?

– Ладно, пусть будет так, – внезапно согласился Егор. – Все бабы дуры. Пойду просить прощения. А ты, друг мой, карту рисуй. Не отвлекайся.

Великая княгиня, всхлипывая, стояла в углу своей платяной горницы, предназначенной для переодевания: с двумя зеркалами – одно из полированного серебра, а другое из обсидиана, – с креслами и диванами для отдыха, подставками для ног, пухлыми подушками тут и там, толстым персидским ковром на полу. Все было роскошным и дорогим – кроме закопченной иконы Богоматери Троеручицы, которой и пыталась между всхлипываниями молиться женщина.

Вожников подошел к ней сзади, взял ладонями за плечи, ткнулся губами в затылок, шепнул:

– Я тебя все равно люблю…

Княгиня всхлипнула громче.

– Хорошо, я попробую говорить все, что о тебе думаю. О том, что ты самая красивая. Что у тебя высокая грудь. Что прекрасная фигура…

На этом Вожников и иссяк. Сочинение комплиментов никогда не было его сильной стороной. Он больше привык не языком трепать, а руками работать. И рассчитать прочность несущих балок для навеса ему было куда проще, нежели хвалить носик или ушки девушки. Что может сказать о щеках нормальный человек? Ну, розовые. Ну, красивые. А что еще? Что большие? Или маленькие?

Нет, это уже что-то не то…

В наступившей тишине послышался шорох в соседней светелке. Егор, отпустив жену, подкрался к дверце, распахнул…

– Ах ты, гаденыш! – схватив боярина за грудки, выволок его на свет Вожников.

– Княжич Пересвет… Слуга верный… – торопливо пробормотал тот.

– Неважно, – замахнулся Егор.

Мальчишка, вскрикнув, зажмурился, съежившись и повиснув в руке. И Егор остановился. Это и вправду оказался всего лишь жалкий малолетка. Болтливый безмозглый юнец.

Вожников разжал руку и кивнул на дверь:

– Пошел вон!

– К услугам… Всегда… Великий князь… – скомкано выдавил княжич и стремглав выскочил из горницы.

– Дитятко покровительства просил, – торопливо промокнула платком глаза Елена. – Сирота елецкая. А ты его ревновать вздумал.

– Язык бы вырвать сиротинушке, дабы вперед ума не спешил, – уже совсем беззлобно сказал Вожников. – Попомни мое слово, из-за языка своего он головой когда-нибудь точно поплатится.

– Вырастет – поумнеет. Господи, как ты меня напугал! Я думала, ты сгоряча уже в поход на Самарканд помчался.

– Зачем? – удивился Вожников. – Там у нас соседи ныне на диво тихие. Их не трогать, так и они беспокойства не доставят. Нам лучше о западном порубежье позаботиться.

– Так ведь там больше ничего нет. Титула выше императорского не существует, далее токмо короли да герцоги остались. Чего с них взять, любый?

– Для себя, Леночка, мы все, что хотели, получили. Но надобно и совесть иметь, о других подумать. Ныне мы можем малой кровью большую беду предупредить. Так отчего бы сие и не сотворить? Не для прибытка – просто для успокоения души. Спросит Бог на том свете: чего мы хорошего в своей жизни сделали? Вот тогда и пригодится.

– Ты все-таки снова собрался уезжать… – поняла великая княгиня.

– Поехали со мной!

– Мы больше не ватажники, любый мой, – погладила его ладонью по щеке Елена. – И хозяйство наше в двух сундуках дорожных не умещается. За державой нашей присмотр нужен. Без руки хозяйской всякое случиться может. Да и мне ныне не след в седле или карете трястись…

Она взяла руку мужа и многозначительно положила ее себе на живот.

– Когда? – Губы Вожникова невольно расползлись в улыбке.

– Полагаю, к концу лета у тебя будет уже два сына, мой драгоценный, а не один.

– Счастье мое! – Егор порывисто обнял жену и крепко расцеловал.

– Твое, и только твое! – клятвенно заверила Елена. – И посмей теперь хоть на час от меня до отъезда своего отлучиться!

– Не отлучусь! Ни на минуту… То есть… Прости… Кажись, я сарацина своего в комнате запер. Сбегаю, проверю. Вдруг ему приспичит?

– Беги, сокровище мое… – горько усмехнулась Елена. – Беги.

Проводив мужа взглядом, она повернулась к иконе и несколько раз широко перекрестилась, отвешивая Богоматери глубокие поклоны:

– Спасибо тебе, заступница. Спасибо, милостивица. Вот уж не ожидала, что ревнивый Егорка мой такой. За слова пустые и то чуть не прогнал. Кабы с настоящим любовником застал, так и вовсе убил бы, верно, на месте. Помилуй меня, матушка, от такой беды. И от ревности мужней помилуй, и от ума помешательства, дабы помутнения душевного не случилось, дабы и вправду ни с кем не спутаться…

***

Впервые за многие месяцы Егор смог поутру вдосталь поваляться в постели. Причем с женой. Причем…

Ну, если бы речь шла о простолюдинах, али худородных боярах, можно было бы сказать, что и «покувыркались», однако великий князь и император с супругой, естественно, не «кувыркались», а благородно «почивали».

Правитель юной державы решил, что раз уж он объявил о наличии важных забот – то под этим прикрытием несколько церковных служб можно и прогулять. Ему – на вопросы лишние отвечать не придется, народу – немного беспокойства на пользу пойдет. Пусть знают, что правитель всего и вся тоже не зря свой хлеб кушает, и тоже порою занят бывает до невозможности.

Елена тоже никуда не пошла и завтраки у себя на время отменила, не отлучаясь от мужа буквально ни на минуту – словно в первые годы их знакомства. И пользовалась каждым свободным часом, чтобы доказать свою любовь. У супругов словно случился второй медовый месяц. Точно так же, как первый – наполненный хлопотами деловыми и ратными, хитростями и интригами. Но теперь еще – и первобытной страстью.

Покой правящей четы оберегали ключница Милана и кравчий Федька – ныне уже возмужавший и остепенившийся, но преданный, как и прежде. И потому Егор особенно изумился, когда, выглянув из покоев, дабы позвать слугу, неожиданно обнаружил перед собой веселого Пересвета, на этот раз одетого в ферязь. Небогатую – синего сукна, подбитую горностаем – но зато новенькую. Сапожки на нем тоже были нарядные, сиреневые, и шапка того же цвета.

– А ты тут чего делаешь? – изумился Вожников.

– Так это… – попятился малолетний княжич. – По повелению великой княгини… За сарацином присматриваю.

– Федька-а!!! – заорал Егор, и уже через несколько мгновений кравчий, с громким топотом промчавшись по коридору, встал перед господином.

– Здесь я, княже… – запыхавшись, выдохнул он.

– Выброси этого прохвоста из дворца, и чтобы духу его в городе больше не было!

– Слушаю, княже. – Федька сгреб Пересвета за ворот.

– Постой… Голландца нашли?

– Прости, княже, не успели. Гонец с Харагло-озера еще не вернулся, поспрошать тоже некого. Сказывали, правда, крутился тут кто-то из его банды. Но пока не нашли.

– Ищите, нужен! Но коли пока нет… Вели Милане вина и сластей принести. Мы с женой еще в покоях задержимся.

Разумеется, о связанных с отъездом хлопотах великий князь тоже не забывал, решая срочные вопросы, отдавая распоряжения и составляя инструкции, но много времени это не занимало. Вожников с самого начала настраивал систему финансового управления так, чтобы она могла работать самостоятельно – где-то увязывая интересы каждого писаря и подьячего на результат, чтобы они получали плату в зависимости от приносимой пользы, где-то жестко регламентируя каждый шаг, где-то добавляя внешний контроль от заинтересованных людей. Если горожане будут знать, что на мощение их улиц твердый процент от сборов на мосту идет, или прихожанам местным доля на церковь – фиг они позволят таможеннику хоть копейку мимо казны себе в карман положить. Быстро воеводе настучат, а то и сами дегтем измажут.

Но хлопот было не так много, как казалось, и с супругой он почти не расставался. Тем страннее было ему уже через день услышать от Елены за ужином:

– Зря ты на него так сердишься, любый мой. Он хоть и княжеских кровей, но ведь и вправду сирота. Земли отчие мертвы, родичей средь живых ни одного. Заместо города стольного изба-пятистенок в деревне. От брата старшего, что ныне князем Елецким считается, два года вестей никаких. Как Витовт его в поход на Орду выманил, так более ни живым, ни мертвым никто не видел.

– Мне обыскать твои покои? – отставил кубок Егор.

– Зачем, милый мой? Ты един для меня желанный, более никого нет и быть не может!

– А с какой-такой стати ты вдруг про Пересвета вспомнила? Не иначе этот шкодник опять к тебе пробрался про глазки небесные нашептать да пальчики

потрогать?

– Он просто ищет покровительства, Егорушка, – примирительно накрыла его руку ладонью супруга. – Кому еще младшему из княжичей кланяться, у кого защиты искать, кроме как не у главы рода, не у великого князя? Ты им всем заместо отца, а я заместо матери. Соскучился ребенок по слову доброму, по прикосновению ласковому…

– По ремню он соскучился! – перебил жену Егор. – Значит, и правда приходил? Или все еще здесь?

– Я его сразу отослала! – поспешила заверить княгиня. – Не гневайся. Горюет он очень, что серчаешь ты на него. Он ведь служить тебе желает со всей искренностью, в преданности своей клянется.

– С его повадками токмо девкам под юбки лазить, а не поручения княжии исполнять!

– Не выросло еще у него того, с чем под юбки лазают, – отмахнулась Елена. – Хотя язык, знамо, подвешен. Таких, вестимо, в пажи брать и надобно. Чтобы беспокойства никакого, а слушать приятно.

– Беспокойства не будет потому, любимая, что при следующем его появлении я этого пройдоху как раз за язык и повешу!

– Бедный сиротка, – вздохнула женщина. – Выходит, вовсе некуда ему голову преклонить?

– На плаху, – холодно предложил Вожников. – Пусть с ней целуется, коли ничего более делать не способен.

– А-а… – начала было Елена, но неожиданно осеклась, притянула к себе руку мужа, поцеловала в ладонь. – Ну и бог с ним, забудь. Всех не нажалеешься.

Похоже, княгиня вспомнила, как ненароком обмолвилась князю – зачем, по ее мнению, в свите нужны пажи.

***

Голландец появился через неделю. Как оказалось, его и искать не требовалось – все эти дни барон Антониус ван Эйк фон Харагл-Озерный обитал в Новгороде, и явился на великокняжеское подворье сам, когда Федькины посыльные пошли по кабакам и торгам с расспросами – не знаком ли кто с пиратом из Голландии?

Радостный кравчий тянуть не стал и тут же представил вояку пред ясны очи правящих супругов.

– У-у, какой букет амброзий, – помахал перед лицом ладонью Вожников, когда гость решительно склонился перед ним почти до пояса. – Никак тебя вытащили прямо из бочонка мальвазии?

– Мы пили за здоровье императора, великий князь! – мотнул головой голландец. – И за здоровье великой княгини, императрица! – поклонился он на другую сторону.

– Свое здоровье поберегли бы, бояре, – укоризненно покачала головой Елена.

– Ради императора и императрицы мы готовы пожертвовать всем! – клятвенно заверил ее голландец.

– Никогда не сомневался в твоей преданности, – рассмеялся Егор. – Ты был в пожалованном тебе уделе? Принял ли его под свою руку? Доволен ли наградой? Назначил ли управляющего? Определил оброк и барщину?

– Я воин, а не торгаш, великий князь! Съездил на место тамошнее, показал дарственную. А как сход собрался, смердам предложил отступного три тысячи гульденов платить да самим с общиной разбираться, кому какие пашни возделывать, кому какие ловы брать и как лесом пользоваться. Пару дней они покричали, еще пару поплакали, да на ста двадцати гривнах мы с ними и сговорились. Мыслю, обманули меня изрядно хитрецы сиволапые, да токмо мне проще вдвое меньше серебра получить, нежели наделы исчислять, оброки собирать, хвосты рыбьи пересчитывать, да за барщиной следить. Пущай сами сей морокой занимаются. На пять лет по рукам ударили, а там посмотрим, что получится.

– Значит, барон, ты свободен, как вольный ветер?

– Я раб! – гордо вскинул подбородок голландец. – Верный слуга императора! Я дал клятву верности, и мой меч, и моя голова, и моя жизнь отныне всегда в твоей воле, великий князь!

– В прошлом году ты изрядно помотал мне нервы, барон. И в Германии, и на Балтике, и на Чудском озере. То крестоносцем прикидывался, то ганзейцем, то датчанином. Хорошо у тебя сии провокации тайные удавались.

– Всегда рад служить императору! – Антониус ван Эйк преданно икнул. – Императоры приходят и уходят, моя преданность остается неизменной!

– Ценю твою преданность, барон, – усмехнулся Егор. – И хочу доверить живот свой твоему ратному мастерству и искусству перевоплощения. Сможешь ли ты отбить меня у целого мира?

– Умру, но сохраню, мой господин!

– Что же, тогда готовься к походу. Даю неделю на сборы, и мы выступаем.

– Не соблаголивола… ли… голи… вит великий князь посвятить меня в… – Барон, качнувшись, нахмурился и сделал еще одну попытку: – Не соблаго… Мне… Ну, это… Чего мне нужно делать?

– Соблаговолит, – рассмеялся Егор. – Сейчас объясню…

Через полчаса, отпустив озадаченного хитрым поручением воина трезветь и готовиться в путь, Вожников толкнул дверь в «черную комнату»:

– Как твои успехи, мудрый Хафизи Абру? Времени в обрез, пора собираться на экску… Ты опять здесь, глист всепролазный? Кто тебя сюда пустил?!

Географ, занятый росписью по настенной карте, лишь на миг оглянулся на елецкого княжича и вернулся к работе. Пересвет же упал на колено, широко перекрестился:

– Христом-богом клянусь, нет у тебя более преданного слуги, нежели я, великий князь! Ни наяву, и в помыслах никогда вреда тебе не причиню, рабом верным буду! Токмо поверь, прими на службу, испытай любым поручением! Не держи зла, что супругу твою развлечь в ее одиночестве пытался. Токмо о хорошем ведь думал, услужить, понравиться! Прости, коли невольно что не так сделал. То от старания излишнего вышло, а не со зла!

– Как же ты сюда все время попадаешь, прохвост? – Егор сжал и разжал кулаки. – Я ведь настрого приказал не пускать!

– Коли старания и стремления к повелителю устремлены, никакая сила человека на сем пути остановить не сможет!

– Не блажи, я не баба, – поморщился Вожников. – Отвечай кратко и четко. Мне лапши и без тебя каждый день на уши навешать норовят.

– Осторожностью и хитростью, великий князь. Так потихоньку и пробираюсь.

– Службу тебе одну только могу предложить, – пригладил свою короткую пока еще бороду Егор. – В рубище ходить, через раз жрать, лошадей чистить, воду таскать, исподнее стирать, верхнее сушить. На стол накрывать, постель стелить. В общем, слугой быть простым при хозяине.

– Любую волю твою исполню, княже!

– И называть меня отныне будешь только «господин»!

– Слушаю, господин.

– Покамест при госте моем премудром Хафизи Абру состоять будешь, опосля при мне. Теперь ступай, одежду такую подбери, чтобы за смерда нищего прочие путники принимали, а не за княжича знатного. Пошел вон!

– Ты не пожалеешь, господин, – склонился в низком поклоне Пересвет и шмыгнул за дверь.

– Могу ли я спросить, властелин, – не оглядываясь, поинтересовался сарацин, – что послужило причиной сей милости? Мне казалось, сей юнец вызывал у тебя отторжение. Но вместо того, чтобы покарать, ты его приблизил.

– Пронырливый больно, липкий. Мерзкий притом и настырный. Не хочу, чтобы в мое отсутствие он крутился возле моей жены. Вот остается одно из двух: или повесить, или взять с собой. Прибить я уже пытался, да только у меня рука на ребенка не поднимается. Остается второе.

– Может, его просто куда-нибудь отослать?

Пробовал, не получилось. Авось хоть по дороге сбагрить куда-нибудь смогу… И вот что, мудрый Хафизи Абру. Отныне прошу тебя называть меня «друг мой» либо по имени. Даже наедине, ибо никогда не знаешь, когда рядом могут оказаться посторонние уши. Иначе наше путешествие может оборваться в самый неожиданный момент.

Путники

Егор Вожников, в отличие от прочих обитателей этого мира, свое время ценил. И потому из Новгорода четверо путников выехали верхом, с заводными лошадьми, на которые сарацин и его рабыня увязали свои немногие вещи. Ради скорости великий князь предложил вообще ничего с собою не брать и купить все нужное ближе к французскому порубежью – однако географ не смог обойтись без своего молитвенного коврика, нескольких книг, письменных принадлежностей и второго халата. Все прочее он согласился оставить в кладовых дворца, чтобы забрать на обратном пути.

Впрочем, несколько чересседельных сумок лошадей особо не утомляли, а потому по звенящим промороженным трактам всадники неслись стремительно, то и дело переходя на рысь и пролетая за день по шестьдесят-семьдесят верст, мчась чуть ли не втрое быстрее обычных путешественников. Они выезжали еще в темноте, летели без остановок весь день до темноты, чтобы во мраке наступившей ночи ввалиться на придорожный постоялый двор, поесть, выпить – и упасть в постель, предоставив местным слугам заботиться о скакунах.

Лошади подобное напряжение выдерживали с трудом и уже на пятый-шестой день еле стояли на ногах – но Егор показывал в местных отделениях казначейства грамоту гонца, требовал свежих коней, бросал уставших подьячим на руки, и скакал дальше. В таком бешеном темпе путникам удалось еще до католического Рождества добраться до Турина, где Вожников и разрешил сделать первую остановку, дабы отдохнуть и переменить обличье.

Вымотанные до невозможности, на следующий день все четверо спали до полудня, и встретились только за обедом на первом этаже трактира. Разумеется, за столом сидели Вожников и Хафизи Абру. Пересвет и рыжая невольница самаркандского писаря прислуживали, надеясь, что после хозяев им останется что-нибудь из объедков.

– Я молю тебя о пощаде, друг мой Георгий! – приложил руку к груди сарацин. – Я прибыл сюда, в эти ледяные земли, для того, чтобы узнать о нравах здешних народов, мудрости ученых и достижениях в ремеслах, а не для того, чтобы отметить на путевых страницах, где довелось провести ночь! Мы скачем и скачем, ничего не замечая по сторонам!

– Не беспокойся, мудрый Хафизи Абру, ты сможешь узнать все до мелочей, – пообещал Егор. – Мы вместе проедем всю Францию и Англию от Тулона до Эдинбурга, заглядывая на своем пути в каждую щель, после чего я отпущу тебя, и на обратном пути ты сможешь спокойно рассмотреть мою державу. Согласись, такое путешествие будет полезно для нас обоих.

– Я весь в нетерпении, друг мой, – чуть помедлив, склонил голову сарацин. – Ты мудр, и я надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Я тоже, – кивнул Вожников и подманил Пересвета: – Значит так, пройдоха. Давай, докажи свою ловкость. Ступай по городу и разнюхай, нет ли путников, что во Францию путь держат? Лучше, чтобы попутчики нашлись незнатные, а то как бы меня не опознали. Ну, и не очень шумные. Не хватает нам еще в историю какую с ними влипнуть. Нам нужно быть тихими и неброскими. Но при ком-нибудь, дабы не на нас, а на путника местные жители, стража и всякие мытари смотрели.

– Дай мне один день, господин, – кивнул княжич. – Дозволь только, прислужу…

И мальчишка убрал у Егора из-под носа блюдо, на котором еще оставалась половина недоеденного ризотто.

– Вот паршивец! – беззлобно усмехнулся Вожников и поймал за пояс девицу, что попыталась повторить тот же фокус с тарелкой географа. – Постой, красотка, с тобой мы тоже еще не познакомились. Давай рыжая, рассказывай. Как зовут, откуда взялась, где речи русской так хорошо научилась?

– А чего мне языка не знать, коли я под Муромом родилась? – громко хмыкнула женщина. – При набеге Едигеевом в полон попала, опосля два раза перепродали, пока господин мой, Хафизи Абру, не купил. С тех пор уж четвертый год при нем и живу. Господин с первого дня велел мне токмо на родном наречии с ним беседовать и часто о родных местах расспрашивал.

– Подожди… Если ты муромская, почему домой не сбежала, когда вы там мимо проезжали? Из дома тебя бы обратно в рабство никто не отдал!

– Куда и зачем мне бежать, господин? – не поняла рабыня. – При хозяине я всегда сыта и одета, он не утруждает меня работой и позволяет дарить ласки ночами. А дома мне что делать и куда податься? Жилья нет, где родичи, неведомо, добра за душой никакого. Я в полон-то старой девой попала, когда уж двадцать два года исполнилось. Видишь, рыжая? За ведьму все считают. А ныне и вовсе вот-вот четвертый десяток разменяю. Кому я такая нужна? Токмо с голодухи под забором сдохнуть. Коли господин сам меня волей наградит, так я лучше руки на себя наложу, дабы зря не мучиться.

– Не бойся, Дария, я не собираюсь тебя прогонять, – утешил ее Хафизи Абру. – Ты состаришься в моем доме.

– Спасибо, господин… – Невольница прижалась щекой к ладони сарацина.

Голубоглазая, загорелая; высокая, плечистая и широкобедрая, пышногрудая, с огромной копной густых, ярких волос. Немудрено, что географ отправился в далекий путь именно с ней. Ночью приласкает, днем коня на скаку остановит. Может постель постелить, а может сундук тяжелый с места на место перебросить. Вот только войлочная куртка и меховые шаровары, подчеркивая достоинства фигуры, увы, не вписывались в здешние обычаи.

– Могу я узнать, друг мой, с какой целью ты ведешь расспросы моей рабыни? – подчеркнуто вежливо поинтересовался сарацин.

– Да, друг мой, – кивнул Егор. – Я вижу, что нам не нужно беспокоиться о ее преданности. А коли так… – Он полез в поясную сумку, развязал кошель: – Вот тебе цехин, рыжая. Иди на торг и купи себе платье ношенное, местного покроя. И плащ какой-нибудь или тулуп. Чтобы за горожанку или крестьянку в дороге сойти.

– А они речь русскую понимают? – зажала в кулаке золотую монету невольница.

– Еще как! Русских тут теперь много, так что торгаши нашу речь выучить успели. Может, и не свободно болтают, но покупателя поймут, коли товар сбыть захотят.

– Тогда я быстро! – Женщина кинулась к лестнице наверх. Видимо, одеваться.

Разрешения у хозяина, что интересно, не спросила.

– Слуг мы разослали, мудрый Хафизи Абру, – сказал Егор, выпив кружку темного немецкого пива, – может быть, и сами тоже прогуляемся? Больше гнаться некуда, можем осмотреть Турин без спешки. Ныне канун Рождества, город красивый и праздничный. Есть на что посмотреть.

– Прости, друг мой, однако же не в том я ныне возрасте, чтобы после двухнедельной скачки прогулки совершать, – покачал головой сарацин. – Надобно мне хотя бы денек отлежаться.

– На вид тебе больше сорока не дашь, мудрый Хафизи Абру, – удивился Вожников. – Неужели в этом возрасте я тоже стану уставать после недолгой гонки?

– У нас на востоке жаркое солнце, – с улыбкой покачал головой географ. – На этом солнце мужчины после сорока больше не стареют. Они просто потихоньку засыхают. Не будем вспоминать о моем возрасте. Надеюсь, через пару дней силы вернутся ко мне, и я снова смогу насладиться нашими беседами. Ныне же, прости, я пойду к себе.

– Хорошо, друг мой, – кивнул Егор. – А я куплю сани и кошму, чтобы путешествовать дальше, не отличаясь от простых крестьян.

Расставшись с сарацином и отправившись на торг, Вожников понял, что ему здорово повезло. Кабы не усталость восточного гостя – пришлось бы краснеть, объясняя, отчего в городе не видно никаких приготовлений к празднику. Нигде на площадях не стояли наряженные елки, на улицах не виднелись гирлянды, ни в одном месте навстречу не попался ни единый Санта Клаус, не говоря уж о Дедах Морозах и Снегурочках. И если бы не подсвеченные масляными лампами вертепы[12 - Вертеп – воспроизведение сцены Рождества Христова средствами различных видов искусств (театр, скульптура): хлев, младенец в яслях, родители, волхвы.], что стояли возле некоторых церквей, Егор бы подумал, что жители и вовсе забыли о празднике.

Местами на перекрестках вместо елок стояли виселицы – однако Вожникову не показалось, что такая замена является равноценной.

«Однако праздновать и веселиться тут никто совершенно не умеет, – сделал вывод он. – Надо бы как-то хоть немного здешним воспитанием заняться. Качели поставить, карусели. Научить туземцев снежные крепости строить, с горок ледяных кататься, масленицу жечь. А то ведь мрачнуха одна, ей-богу. Виселицы, костелы с бойницами, да караулы с алебардами. Ровно война постоянно идет. Перед гостями стыдно».

Впрочем, несмотря на мрачный вид каменных домов, коричневую наледь на мощеных брусчаткой узеньких улицах и лежащую везде и всюду сажу, рынок в Турине оказался богатый, торговаться местные купцы умели, и очень скоро Вожников сделался владельцем роскошных саней – с плетеным верхом, обшитым буйволовой кожей, обитыми медью для лучшего скольжения полозьями и походным сундуком на задках; с пологом из волчьей шкуры, отпугивающей в дороге хищников, двумя хлыстами, овчинной грелкой для ног, походным сундучком, с двумя флягами для вина и кривым венецианским зеркальцем[13 - Знаменитые венецианские зеркала делались так: выдувался стеклянный шар, в него заливалось олово, раскатывалось по поверхности, после чего шар разбивался, а осколки вставлялись в оправы и продавались. То есть «кривыми» они были изначально – из-за технологии изготовления.]в оправе из слоновой кости.

Все, кроме саней, Егор получил в процессе торга: туринские купцы не скинули цену ни на грош, только добавляя и добавляя товар, пока покупатель не сломался.

Прямо здесь, на торгу, Вожникова перехватил елецкий княжич, радостно сообщив:

– Нашел, мой господин! То есть в Турине для нас попутчиков не имеется, однако же купец генуэзский сказывал, что по пути сюда пересекся с рыцарем ордена Сантьяго, который родом из Бретани будет и туда ныне путь держит через Валанс и Авиньон.

– Так ведь не по дороге? – не понял смысла в путаном маршруте Егор.

– Возле Валанса семья товарища его павшего живет, коим он оружие покойного завезти желает. В Авиньоне, в землях церковных, папскую индульгенцию он купить хочет, дабы уж точно настоящая была, не поддельная, после чего через Ним домой отправится. В Ниме рыцарь желает святым мощам поклониться. Случилась их встреча три дня тому, и коли рыцарь обычным обозом едет, то опережает нас верст на полста, не более. Еще он наверняка на пару дней у графа Сапуццо задержится, до порубежья перехватим. Путь там, сказывают, един, токмо на Амбрен. На нем ловить и надобно.

– Впрягайся в оглобли и тащи к трактиру, – указал на купленный возок Вожников. – И объясни еще раз, чему ты радуешься?

– Так ведь, княже… То есть, господин мой… В общем, рыцарь сей путем от Нима до Бретани аккурат всю державу французскую пересекает. Как раз то, чего ты и желал: через все земли проехать. А помимо сего про иных путников никто и не слыхивал. Либо торгаши местные в Монпесье, Арль или Экс едут, либо гонцы казенные по империи мчатся. Дворяне же местные, сказывают, все больше в Новгород детей младших отправить норовят. Там власть новая, сильная. Там честной службой достатка и славы добиться можно. Здесь же все больше кровь да нищета.

– Не подлизывайся, – отрезал Егор. – По делу говори.

– Так об том и сказываю… – Взявшись за оглобли, мальчишка напрягся, покраснев от натуги. Но при том выдавил: – Люди торговые лета ждут, дабы реки открылись. А про иных путников и вовсе не слышно.

– Так ведь зима! – не понял Егор.

– То-то и оно, что зима, – Пересвет, отпустив оглобли, отер лоб. – Здешняя зима чахлая. Реки толком не мерзнут, по льду ходить нельзя. Холода недолгие, снег дольше пары месяцев не лежит. Это у нас зимой самая жизнь начинается: походы ратные, лесоповал в чащобах, гулянья всякие и веселье. Здесь же народ после снегопада по домам прячется да ждет, пока все растает. Ни торгов, ни войны, ни работы. Прости, господин, не сдвинуть мне саней. Лошадь надобно покупать. Сам не свезу.

– Надо – значит, покупай, – задумчиво разрешил Вожников. – Получается, ближайшие два месяца тут никто никуда не поедет? Вот, проклятие! Ладно, при таком раскладе соглашусь. Попробуем твоего рыцаря нагнать.

И на рассвете путники снова оказались на промерзшем, ледяном тракте. Только теперь верхом ехали лишь Егор и Пересвет. Сарацинский географ, укутанный в меховой полог, словно младенец, на этот раз покоился в санях, на козлах которых, под нос ругаясь, сидела Дарья. Недовольство рабыни вызывали юбки, которые она напялила под беличий плащ. Точнее не юбки, а отсутствие штанов – в новой одежде холодный ветер постоянно задувал ей снизу, особого удовольствия не вызывая.

Великий князь тоже постоянно ругался, хотя и не так громко. Дорога, по которой они ехали, постоянно петляла по холмам, сворачивала к переброшенным через ручьи и овраги мостам, ныряла в низины, чтобы потом вскарабкиваться на крутые склоны засеянных виноградом взгорков. И все это в то время, как рядом тянулась ровная и прямая река По, подернутая льдом и припорошенная снегом.

Но, увы, выехать на привычный для Руси ровный и удобный тракт не было никакой возможности. Даже у берега лед легко проламывался от удара каблука. На стремнине же местами снег был темным и влажным, предупреждая о коварных промоинах.

Однако даже с петлями и подъемами за три дня четверо путников добрались до Шамбери и остановились в трактире «Вкусное хрю», готовясь дожидаться тут своего будущего попутчика.

– Ответь мне, любезнейший, – уплатив задаток, спросил трактирщика Егор, – здесь много постоялых дворов? Мы ищем рыцаря из ордена Сантьяго, боимся разминуться. Как бы мне сделать так, чтобы при появлении сего воина к нам сюда прислали вестника с предупреждением?

– В холодный сезон путников на нашей дороге не так уж и много, – прибрав монеты, ответил розовый и упитанный, как поросенок, хозяин. – Рыцарей и вовсе по пальцам пересчитать. Мыслю, если вы ищете шевалье из ордена Сантьяго, то он сидит у вас за спиной, за угловым столом моего заведения. Я буду сильно удивлен, если второй такой появится тут до лета.

– Ты шутишь?!

– Смотрите сами! – указал трактирщик на фигуру в темном плаще.

Гость, сидя спиной к залу, деловито разделывал каплуна, то и дело отправляя в рот крупные куски мяса и иногда запивая их пивом из высокой деревянной кружки. Он был в сером плаще с накинутым на голову капюшоном, и на спине красовался вышитый алым шелком герб в виде креста, основание которого походило на лезвие ножа, верх – на перевернутое сердце, а перекладинами служили стилизованные лилии.

– На ловца и зверь бежит… – Вожников жестом позвал географа с собой, пересек низкое сумрачное помещение, остановился у края стола: – Прощения прошу, господин рыцарь, что отвлекаю от трапезы. Мы с другом хотим обратиться к тебе с нижайшей просьбой…

– Чтоб меня волки съели! Мы дожили до того, что теперь даже в Савойе[14 - Савойя – графство, в котором стоит город Шамбери.] в кабаках говорят по-русски! – Рыцарь вогнал свой кинжал в столешницу и отер руки о тряпицу. – Ну, сказывай, чего надобно?!

От резкого движения капюшон свалился назад, обнажив пышную копну ярко-рыжих волос, в двух местах прихваченных серебряными заколками. Голубые

глаза, пухлые губы маленького рта, вздернутый носик, голубые глаза.

– Женщина?! – опешил от неожиданности Егор[15 - Судьба несчастной Жанны д’Арк создала миф о том, что ношение мужской одежды и участие в войнах для средневековой женщины было затеей самоубийственной. Между тем, в те времена существовали даже целые рыцарские ордена, состоящие из женщин. Например – орден Топора (orden de la Hacha) в Каталонии. Основан в 1149 году и просуществовал как минимум до 1472 года, когда рыцарь этого ордена Жанна Аше командовала обороной Бове. В походы эти женщины выходили в мужских одеждах. В мужских доспехах сражались и командовали войсками королевы Изабелла Кастильская, Жанна Наваррская и Маргарет Датская, графини Жанна де Монтфорт, Изабель МакДуфф, Жаклин Баварская и Катерина Сфорза – и многие другие. Воительницы, конечно, встречались редко – однако и уникальным явлением Жанна д’Арк не была.].

– Хочешь сказать, рыжая ведьма? – цыкнула зубом рыцарь, промокнула тряпицей жирный рот, после чего вытянула из ножен длинный клинок в три пальца шириной и положила между собой и Вожниковым: – Ну, давай, говори. Давненько я не срубала голов своим клинком. Истосковалась по этому развлечению.

– Ты и есть рыцарь Сантьяго? – все еще не мог прийти в себя Егор.

– Тебе что-то не нравится, серв?!

– Друг мой… – Географ положил ему руку на плечо, и Вожников спохватился:

– Х-хочу представить тебе, рыцарь, своего друга, мудрого Хафизи Абру, мудреца из Самарканда, приехавшего…

– Сарацин?! – вскочила женщина и схватила меч со стола.

– Спокойно!!! – Егор вскинул руки ладонями вперед. – Да, он сарацин. Это бывает. Но войны сейчас нет, посему даже сарацины могут путешествовать по христианским землям и вершить свои дела. Торговать, доставлять письма, изучать труды ученых. Получать образование.

– Но он сарацин!

– А ты женщина. Люди, они вообще разные. Еще встречаются мавры, китайцы, арабы. Я даже видел одного пигмея, клянусь своей треуголкой! Ты знаешь, кто такие пигмеи?

– Я рыцарь арагонского ордена! Я поклялась сражаться с сарацинами, не жалея своего живота!

– Надеюсь, ты поклялась делать это на поле брани, а не во французских кабаках?

– Мы можем выйти и сразиться с ним на улице!

– Не можете, – покачал головой Вожников. – У него даже меча с собой нет. Он не воин, а ученый, мудрец. Приехал в эти дальние для него земли, дабы познать христианские науки и увидеть наш мир. Я полагаю, рыцари Сантьяго не сражаются с безоружными? Мне даже кажется, рыцари дают клятву безоружных паломников охранять и сопровождать?

– Ну, он же не паломник, путешествующий по святым местам! – Женщина наконец-то опустила меч.

– Еще какой паломник! – облегченно перевел дух Егор. – Просто наши паломники чаще ездят отсюда в святые земли, а он едет из святых земель сюда. Ты не поверишь, но во Франции просто огромное количество святых мест. Особенно для нас ценны университеты и чудотворные источники. Но и просто города тоже бывают интересны.

– Не хочешь же ты сказать, чужеземец, что просишь у меня покровительства? – насторожилась женщина с мечом.

– Именно про это я и говорю, – подтвердил Вожников. – Кстати, не могу ли я узнать твое имя, храбрый рыцарь? Дабы знать, кого благодарить в своих письмах к магистру ордена?

– Шевалье Изабелла, – наконец-то спрятала свой меч воительница. – Я полагаю, вы шутите? Просить покровительства в трактире на полпути между Ниццей и Провансом! Какие могут быть здесь, в христианских землях, опасности для путника?

– Для путника с мечом – никаких. Но у нас нет мечей, шевалье Изабелла.

– Что же, пусть так, – проявила рыцарскую снисходительность воительница. – Я окажу вам покровительство до тех пор, пока наши пути не разойдутся. Увы, у меня много дел, и я не могу от них отвлекаться. В обмен на доброту вы возьмете мое копье на полное свое содержание. Куда вы едете?

– В герцогство Бретань, шевалье.

– Будь я проклята! – Женщина изменилась в лице и выглядела теперь не на двадцать с небольшим, а на все тридцать лет. – Вы что, меня знаете?! Вы за мной следили? Вас кто-то подослал!

– Это звезды, воин Изабелла, – неожиданно вмешался Хафизи Абру. – Звезды знают все. Именно они подсказали нам, где найти спутника, могущего нас провести трудными дорогами к нашей цели.

– Ты астролог, сарацин?

– Я знаком с этим искусством, воин Изабелла, – с присущей ему вежливостью поклонился географ.

– Ты можешь составить мой гороскоп?

– Разумеется. Но мне нужно будет знать дату, точное время и место твоего рождения и хоть на время получить инструменты для наблюдения за звездами.

Женщина задумалась, молодея прямо на глазах: на нее нисходил покой, разглаживались морщинки, она больше не сжимала губ, голубые глаза ее широко открылись. Этими глазами она с надеждой посмотрела на Егора.

– Мы что-нибудь придумаем? – подсказал он.

– Мы что-нибудь придумаем, – кивнула рыцарь. – Возможно, инструменты есть в Авиньоне? Монахи, как я знаю, постоянно следят за звездами.

– Это стало бы большой удачей. – Хафизи Абру приложил руку к груди.

– Отлично! – решила воительница. – Тогда будьте готовы завтра на рассвете. Мы отправляемся в Авиньон.

***

Обоз женщины-рыцаря был немного богаче, нежели у путников: четыре возка, пятеро слуг. Еще одни сани и пара всадников влились в эту колонну органично, словно принадлежали к ней изначально. Хафизи Абру по-прежнему ехал в санях, и потому не привлекал внимания, Пересвет двигался в хвосте, рядом с воином шевалье Изабеллы. Егор же пристроился стремя в стремя к даме, что скакала с мечом на боку в мужском наряде, лишь частично скрываемом длинным рыцарским плащом:

– Мы путники из далеких земель, госпожа, и незнакомы со здешними обычаями. Скажи, шевалье Изабелла, каким образом в вашей державе женщины становятся воинами?

– А каким образом бабы совершают самые большие глупости? – пожала она плечами. – Из-за любви, естественно. Наслушалась в детстве романтических баллад, замечталась о битвах и крестовых походах, о великих победительницах неверных и основательницах новых царств. Ну, и о любви великой, стало быть, тоже мечтала. Встретила однажды на турнире храброго рыцаря, что пожелал сражаться с моим платком на плече, пожалела его после раны… В общем, в порыве страсти плюнула на все, да и сбежала из дому, чтобы выйти замуж по любви да посвятить остаток дней странствиям бок о бок с избранником.

– Ты так говоришь, шевалье Изабелла, словно любовь – это беда, а не радость и мечта каждого человека.

– Любовь хороша, когда медовый месяц безумием страстным награждает, пока от каждого прикосновения мужа трепещешь, ровно листок осиновый. Потом к

прикосновениям начинаешь привыкать, а нищета остается… – воительница тяжко вздохнула. – Мой Эдуард был пятым в семье и не унаследовал ничего, кроме меча и имени. Но в войне с Англией, как назло, наступило затишье, гранадские сарацины, потеряв Кордову, замирились с Кастилией. Все вокруг копили золото для новых войн, не принимая наемников, и ради крыши над головой нам с Эдуардом пришлось смиренно вступить в орден Сантьяго, благо тот принимает женатых рыцарей. И их спутниц, конечно же. Там, в Арагоне, я родила в монастыре двух детей, но они не выжили на тамошней баланде. У меня с голодухи молоко пропадало почти сразу. Потом до нашего ордена дошел призыв о помощи от магистра Генриха фон Плауэна. Тевтонские братья потерпели поражение в битве и осаждались язычниками.

– В Грюнвальдском сражении? – уточнил Егор, чтобы определиться с датами.

– Да, наверное, – кивнула Изабелла. – К ним в помощь отправилось двадцать семь братьев с копьями[16 - Копье – воинское подразделение из рыцаря, оруженосца и нескольких слуг.]. Мы с мужем тоже рискнули попытать счастья, надеясь хоть на какую-нибудь добычу. Но единственной нашей сечей стала схватка с датскими пиратами, что приняли наше судно за обычный грузовой неф. В той стычке и погиб Рамир Бриен, друг Эдуарда. Тоже имел из богатства только меч и имя. Но после него хотя бы вдовы не осталось.

– Ты хочешь отвезти этот меч семье?

– Да. Такова была его последняя воля. Счастливчик, он умер с оружием в руках и надеждой на битву с язычниками. Мы же, добравшись до Мариенбурга, узнали, что Тевтонский орден не просто замирился с язычниками, но и заключил союз ради возврата своих земель. Пока мы обменивались письмами и плавали по морям, русский князь, не без помощи тевтонских крестоносцев, ухитрился завоевать все земли язычников и схизматиков и даже заполучил корону императора Священной Римской империи! Знамо, ссориться с ним никто из христиан уже не хотел. Тем более что он, хоть и схизматик, придерживался веры библейской и даже начал войну против сарацин, вторгся в пределы Османской империи. Ради войны с неверными многие братья решили предложить ему свой меч и отправились на юг.

– И что? – Вожников не мог вспомнить, чтобы к нему на службу просились французские или испанские рыцари.

– Не знаю, – опять пожала Изабелла плечами. – У Перемышля Эдуард слег с коликами, промучился полгода, а опосля преставился, так и не найдя себе господина, не добыв ни удела, ни богатства. Последние сбережения ушли на лекарей и плату за комнату.

– Это там ты выучила русский язык?

– Да. Мы же надеялись наняться к русскому князю и императору. Правители, знамо дело, предпочитают брать на службу тех, кто понимает их речь и не будет путаться в приказах.

– Соболезную, шевалье Изабелла, – спохватился Егор. – Мне очень жаль твоего мужа. Сочувствую утрате.

– Утрате чего? – хмыкнула женщина. – Утрате нищеты и бездомности? Так и то, и другое при мне! Кабы я была послушной девочкой, то ныне бы сидела графиней или герцогиней в роскошном дворце, пила вина, кушала буженину, наряжалась в бархат и золото, а кормилицы нянчились бы с парой-тройкой рожденных мною крепышей. Ныне же я проклята родителями за своеволие, без детей и мужа, без кола и двора. Старая рыжая бродяжка. Меня никто не примет в воины потому, что я баба, священники шарахаются и не дают причастия потому, что я рыжая и в мужском наряде, родичи не желают со мной знаться, чтобы не ссориться с домом Бретань.

– Ты герцогиня?! – охнул Вожников.

– Что, не похожа? – скривилась она. – Ну, по совести, герцогиней меня называть нельзя. Я всего лишь родственница в третьем колене. Но для брачной партии моей знатности вполне хватало. Была бы сейчас графиней… – снова вздохнула она. – Ныне же за еду на коленях перед братьями и сестрами стоять придется, кусок хлеба себе выплакивать. Может, даруют от щедрот своих хотя бы деревеньку какую на проживание? Родители же, мыслю, и вовсе разговаривать не захотят, даже на порог не пустят. – Шевалье Изабелла привстала в стременах, вытянула шею: – Никак, уже таможня королевская впереди? Однако быстро за разговорами время пролетело! Что ж, посмотрим, посмеют ли они требовать мыто со слуги Господнего, рыцаря Сантьяго… – Далее она перешла на французский, стала приказывать что-то своим слугам, и Егор предпочел отстать, поехать возле саней.

Как и о чем воительница договорилась с порубежной стражей, платила или нет, Вожников так и не понял. Однако после долгой ругани обоз двинулся дальше, отдельного интереса к слугам и возкам рыцаря таможенники не проявили – Егору же ничего больше от покровительницы и не требовалось.

Разговор о судьбе воительницы продолжился вечером, за ужином на постоялом дворе.

– Может быть, стоит просить милости не у родителей, а у короля, шевалье Изабелла? – предложил Вожников. – Рассказ о любви и приключениях наверняка вызовет при дворе большой интерес. Особенно у женской части общества. Они заступятся за тебя перед королем, король прикажет восстановить тебя в звании и владениях…

– Это сумасшедший-то Карл?! – расхохоталась воительница. – Кто его станет слушать? Тем более в герцогском доме Бретань!

– А разве французский король в Бретани не король? – искренне удивился Егор.

– Ну, вассальную клятву мы приносим, – неуверенно ответила шевалье Изабелла. – За графство Монфор-л'Амори… Но не более того! Королевской власти не хватает даже на то, чтобы остановить усобицы, что постоянно случаются меж домами Анжу и арманьяками, Бурбонами и бретонцами, алансонцами и Фуа[17 - Крупнейшие феодалы Франции.]! А уж принудить кого-то поделиться землями он и вовсе не в силах!

– А почему «сумасшедший»?

– Потому что такой и есть, – охотно просветила его женщина. – Двадцать лет тому на охоте Карл вдруг схватился за меч и принялся рубить всех окружающих. Убил графа де Полиньяка, нескольких слуг, пытался заколоть собственного брата. Поначалу свита растерялась, но потом его связали. Через день он очнулся и не помнил ничего из случившегося. Потом приступы повторялись еще несколько раз, и Франции пришлось с этим смириться. Король построил особый замок, в котором его запирают во время дней сумасшествия, на эти дни назначается регент, его приказы не исполняются… Полагаешь, герцог Бретани станет слушать подобного советчика? Его даже чернь не признает! В прошлом году, например, мясники ворвались в его парижский дворец, зарезали Людовика

Гиеньского и перебили его друзей. Арманьяки уже десять лет открыто воюют с бургиньонами, погибшие исчисляются тысячами. Герцог Бургундский Жан Бесстрашный убил даже брата короля Людовика Орлеанского! Он осадил Париж, завоевал право опекунства над дофином! Арманьяки, проигрывая в войне, заключили союз с англичанами, обещая им поддержку в завоевании Франции, лишь бы те усмирили Бургундию. Впрочем, мои родичи тоже заключили с англичанами точно такой же уговор, но в обмен на истребление арманьяков… А ты говоришь: пожаловаться королю. Мышке серой жаловаться – и то больше толку выйдет!

– Воистину, трудно себе такое представить! – согласился Егор, лихорадочно соображая.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вселенский собор 1667 года этот обычай осудил и по-требовал от священников от оного воздерживаться. (Здесь и далее – примечания автора.)

2

Единственную попытку прислать баскаков на Русь предпринял хан Сартак после смерти своего отца, хана Батыя. Всех их, кроме согласившихся принять

православие, в 1260 году казнили по приказу Александра Невского, после чего князь поехал в Орду – и вместо Сартака к власти при-шел хан Берке. Князь учредил в Орде Сарайскую епархию и вернулся домой. Больше баскаки на Руси не появлялись.

3

Дом Мудрости – исламская академия, основанная в IX веке халифом ал-Мамуном в Багдаде. Сотрудниками Дома Мудрости в разное время были такие выдающиеся ученые, как ал-Хорезми, Ибн Турк, ал-Фаргани, ал-Джаухари, ал-Марвази, ал-Кинди, братья Бану Муса, ал-Махани, Сабит ибн Корра, Куста ибн Лукка, ан-Насрани, ал-Ахвази, Абу-л-Вафа, ал-Кухи. В XIII веке Дом Мудрости был уничтожен вместе с библиотекой после завоевания Багдада татарами.

4

Султан Улугбек известен в первую очередь «Гурганским зиджем» – звездным каталогом, изданным в 1437 году. Труд содержит сведения о 1018 звездах, распределенных по 38 созвездиям. Точность измеренных султаном координат оставалась непревзойденной вплоть до XVIII века. Сама обсерватория тоже была уникальным и драгоценным инструментом, но через 20 лет после казни Улугбека ее разобрали на кирпичи.

5

Тамерлан захватил Елец в 1395 году, пленил князя и две недели грабил и разорял окрестные земли. Едигей довершил разорение в 1408 году. Последнее упоминание о Елецком княжестве относится к 1414 году. И опять – из-за разграбления неведомыми татарами. Имена князей того периода достоверно не известны.

6

Этот математик жил предположительно с 783 по 850 год. Считается основателем алгебры. Название «Правила Ал-Хорезми» ныне сократились до простого термина – «алгоритмы».

7

Хафизи Абру (родился в Герате, дата неизвестна, умер по одним данным в 1430 году, по другим – в 1451-м) оставил после себя несколько десятков сочинений, посвященных математике, а также географии, экономике и истории многих стран. Нет сомнения, что возникшая к северу от Самарканда империя вызвала бы у него большой интерес.

8

Пророк Иса – Иисус Христос, в исламе почитаемый за одного из пророков.

9

Дерево висельников – Тайбёрнское дерево в западной части Лондона. Поначалу это было просто дерево, на котором с 1196 года развешивали казненных, в дальнейшем – сложное инженерное сооружение, за один раз способное «вздернуть» до 24 человек (рекорд от 23 июня 1649 года).

10

Андалусия (аль-Андалус) – арабское название Испании.

11

Число жертв «борьбы с бродяжничеством» в Англии оценивается в 160 000 человек (70 000 повешено при Генрихе VII и 90 000 при его дочери Елизавете I); во время резни гугенотов во Франции было убито 30 000 человек.

12

Вертеп – воспроизведение сцены Рождества Христова средствами различных видов искусств (театр, скульптура): хлев, младенец в яслях, родители, волхвы.

13

Знаменитые венецианские зеркала делались так: выдувался стеклянный шар, в него заливалось олово, раскатывалось по поверхности, после чего шар разбивался, а осколки вставлялись в оправы и продавались. То есть «кривыми» они были изначально – из-за технологии изготовления.

14

Савойя – графство, в котором стоит город Шамбери.

15

Судьба несчастной Жанны д’Арк создала миф о том, что ношение мужской одежды и участие в войнах для средневековой женщины было затеей самоубийственной. Между тем, в те времена существовали даже целые рыцарские ордена, состоящие из женщин. Например – орден Топора (orden de la Hacha) в Каталонии. Основан в 1149 году и просуществовал как минимум до 1472 года, когда рыцарь этого ордена Жанна Аше командовала обороной Бове. В походы эти женщины выходили в мужских одеждах. В мужских доспехах сражались и командовали войсками королевы Изабелла Кастильская, Жанна Наваррская и Маргарет Датская, графини Жанна де Монтфорт, Изабель МакДуфф, Жаклин Баварская и Катерина Сфорза – и многие другие. Воительницы, конечно, встречались редко – однако и уникальным явлением Жанна д’Арк не была.

16

Копье – воинское подразделение из рыцаря, оруженосца и нескольких слуг.

17

Крупнейшие феодалы Франции.

Купить: https://tellnovel.com/ru/prozorov_aleksandr/osvoboditel

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить